

Кирилл Шатилов

ЗИМНЯЯ ЖАРА

Реальное фэнтези
— Том III —
Ложная правда

Кирилл Шатилов

**Зимняя жара. Реальное фэнтези –
Том III – Ложная правда**

«Издательские решения»

Шатилов К.

Зимняя жара. Реальное фэнтези – Том III – Ложная правда /
К. Шатилов — «Издательские решения»,

Роман-сага «Зимняя жара» — независимое продолжение цикла «Многоликий странник» о жителях страны Торлон. Здесь нет ничего от привычного фэнтези: ни чудес, ни драконов, ни колдовства. Но это фэнтези в прямом смысле слова: Торлона нет и никогда не было, он рождён фантазией, однако при этом он не сказка, а быль, которую хочется увидеть, послушать, потрогать и даже взять на память. Этот мир окутала долгая зима. Когда-нибудь она закончится, но, как говорили встарь, тьма перед рассветом сгущается.

© Шатилов К.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

Зимняя жара
Реальное фэнтези – Том
III – Ложная правда
Кирилл Шатилов

© Кирилл Шатилов, 2016

© Кирилл Шатилов, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перед ней стоял тот, по чьей вине её жизнь из спокойной и размеренной превратилась в ту, которой она как будто жила всегда: полная тайн и недоговорок Обитель, тяжело раненая, чуть не погибшая бабушка, то и дело донимающие по ночам кошмары, воссоздающие в мельчайших подробностях похищение из-под отчего крова и сумасшедшую гонку сквозь тьму от её неизвестных спасителей. Которые все как один погибли от руки близких ей людей, волей кото-

рых он каким-то непостижимым образом овладел. В этих кошмарах она раз за разом переживала все события той ужасной ночи, вспоминая всё, кроме одного – его лица. И вот он здесь, стоит в двух шагах от неё в ожидании ответа и делает вид, будто не узнаёт. Или действительно не узнаёт?

– Пенэлла...

Он моргнул, собираясь что-то сказать в ответ, но их прервала Анора.

– Сима, Йедда спрашивает, всё ли готово.

– Разумеется, всё было готово ещё вчера, как только нам принесли эту печальную весть.

– Сима у нас заведует домашним хозяйством, – пояснила девушка. – Кадмон! Ты идёшь?

Вместе с Кадмоном в сени вошёл Бокинфал, и Пенни чуть не бросилась ему на шею. Как же она испугалась, оказавшись наедине с тем, кого меньше всего ожидала здесь увидеть. Кого вообще надеялась не видеть больше никогда...

Почему он не узнал её сразу? С того злопамятного дня прошло ведь совсем ничего. Тогда она настолько ему приглянулась, что он отважился похитить её, и похитил бы, если бы не помощь мергов, которые отвлекли внимание на себя и тем самым позволили Пенни спрятаться в снегу и спастись. Правда, тогда она была простоватой девочкой, не имевшей такой одежды, которая сейчас на ней, наивной и не умеющей пользоваться краской для глаз. Неужели всего этого ей хватило, чтобы остаться неузнанной? Вероятно, но ненадолго. Потому что когда он услышит её настоящее имя, то наверняка всё вспомнит.

Она взяла Бокинфала за руку, и он удивлённо посмотрел на неё, радуясь от осознания того, что его простили.

– Кадмон, я велела растопить баню, – сообщали Анора.

– Извини, что не смогу к тебе там присоединиться. Мама спешит покончить с необходимыми обрядами, и я должен быть с ней. Да и тебе хорошо бы надолго не отлучаться. Твоё присутствие важно.

– Конечно, я понимаю. Я только приведу себя в порядок с дороги, и сразу же мы с Пенни к вам присоединимся.

– А Пенни согласна?

Они все смотрят на неё! И Сима. Только бы не столкнуться с ним взглядом! Он наверняка уже всё понял, но она не будет ему помогать. Не покажет, что узнала. Не покажет, что боится. Пусть право первого хода останется за ним.

– Я бы не отказалась.

Кажется, прозвучало вполне невинно и даже слегка игриво. Нельзя выказывать волнения. Нужно остаться с Бокинфалом наедине и побыстрее рассказать ему всё, что она знает о Симе. Он что-нибудь придумает.

– Ну, в таком случае желаем вам хорошенько попариться, а мы пока приступим к неотложным делам. Пошли. – Кадмон кивнул Бокинфалу.

Сейчас они уйдут, и она снова останется одна! А между тем человек по имени Сима явно не спускает с неё прищуренных глаз. Любое неточное движение, и он довершит начатое задолго до этого злосчастного дня. Насколько она помнит, кинжалом-булавкой он владеет филигранно. Она за своим и потянуться не успеет. Он наверняка уже сжимает его где-нибудь в рукаве.

– Анора, – услышала Пенни свой голос, – а не могли бы нам сперва показать нашу спальню? На случай, если мы задержимся...

– Прекрасно! Я нисколько не сомневаюсь, что вам с Бокинфалом у нас понравится и не захочется уезжать. Даже завтра. Сима, ты не покажешь нашим новым друзьям гостевые покои?

– С удовольствием.

Его голос тоже не выдавал волнения, но Пенни уже чувствовала, что он признал в ней свою бывшую пленницу и теперь думает, как бы поумнее распорядиться представившейся

возможностью. Если Бокинфал останется в неведении о том, что им угрожает, у Симы будет преимущество внезапности. Она представила, как они входят в спальню, их провожатый выхватывает кинжал и втыкает его удивлённому Бокинфалу в незащищённое горло, а потом поворачивается к ней и смеется.

– Мы не хотим никого затруднять по пустякам, Анора, – выпалила она. – У вашего управляющего сегодня должно быть особенно много дел. В другой раз.

– Ерунда, – вступился Кадмон. – Я сам вам покажу. Сима, а ты поспеши к матери. Она тебя ждёт.

– Как вам будет угодно, – отступил с поклоном бурый халат. Пенни показалось, что она слышит, как скрипят от бессильной ярости его редкие зубы. – Как вам будет угодно.

Она выждала, пока он в подтверждение своего согласия отойдёт к двери. Там он замешкался и, как она и боялась, покосился на неё холодным взглядом. Да, он всё понял.

– Пенни. – Бокинфал потянул её следом за Кадмоном, который небрежным жестом сбросил на лавку шубу и, оставшись в толстой вязаной рубахе, пригласил их внутрь дома.

Она не замечала, как и куда они идут, думая о неожиданной встрече и её вероятных последствиях. Сима ни за что так просто это не оставит. Он ещё тогда однозначно дал понять, что хочет заполучить её себе на потеху, так неужели теперь, когда она сама попала к нему в руки, он отступит? Внешне он производил впечатление существа слабого и жалкого, однако Пенни имела несчастье видеть его при других обстоятельствах, когда он действовал решительно и жестоко, не задумываясь ни на мгновение, и в результате выпутался из тяжелейшего для себя положения, оказавшись в итоге победителем. Кто знает, на что он способен теперь, когда в его распоряжении гораздо больше средств, нежели в первый раз, и когда он изначально является хозяином положения?

– Вот тут вы сможете ночевать столько, сколько пожелаете. – Кадмон толкнул ногой дверь и показал чистенькую горницу, в глубине которой вздымалась белыми перинами широкая кровать. – У нас всегда рады гостям.

– Не сомневаюсь. – Она благодарно улыбнулась ему.

На что она рассчитывала? Что он оставит их тут одних и уйдёт, дав возможность поговорить наедине?

– Хорошо, – сказал Бокинфал.

Его порадовала перемена в спутнице. Она ожила, порозовела и уже подумывает о том, чтобы задержаться подольше. Кровать, широкая, но одна, её тоже не сильно смутила. Если так пойдёт и дальше, глядишь, сегодня они уснут в объятиях друг друга.

– А этот... Сима... он тоже здесь живёт?

– Сима? – Кадмон поморщился. – Будь моя воля, я давно бы его пинком под зад выгнал. Раньше он помогал моему отцу, был у него на побегушках. Когда мы перебрались в замок, остался тут за главного. Если мать согласится со мной, я от него избавлюсь. Он на меня тоску наводит. Скрытный, тихий и явно себе на уме. А почему ты спросила?

– Просто так. Мне он... показался откуда-то знакомым.

– Ну, если ты из Обители, то могла, я думаю, видеть его там. Отец время от времени посылал его в этот... как вы там это называете... Силан'эрн.

Однако, поразила Пенни, внешне оставаясь невозмутимой. Силан'эрн, или подземная Зала молчания считалась в Обители местом священным, куда допускались далеко не все Матери. Там проводились их советы, там принимались решения, и туда же был вхож этот Сима? Что-то не верится. Кем же он в таком случае был на самом деле?

– Да, может быть, – согласилась она. – Кадмон, а что там на полу?

– Где? – Он вошёл в комнату и развёл руками.

– Надо срочно поговорить. Вдвоём, – процедила Пенни сквозь зубы, пихнув Бокинфала локтём. – Вон пятно какое-то возле кровати. Это не кровь?

– Нет, это тут когда-то давно вино пролилось. Кровь если и проливалась, то у юных дев да и то на чистые простыни.

– Что-то мне нехорошо. – Пенни вошла за ним следом и опустилась на мягкий край постели. – Голова кружится.

– Тэвил! Почему разговоры о крови действуют на них так одинаково? – Кадмон сверкнул глазами на Бокинфала, призывая его в свидетели. – Приляг. Сейчас принесу тебе нюхательную соль.

Он порывисто вышел, а Пенни торопливо заговорила, стараясь успеть донести до единственного друга главное:

– Сима меня знает. Он убийца. Очень опасный. Из-за него чуть не погибла моя бабушка. Он выкрал меня у неё, но мне удалось сбежать. Я понятия не имела, что он тут живёт. Будь с ним очень осторожен. Он всегда вооружён.

– Вот, попробуй понюхать, – прервал её Кадмон, возвращаясь с дурно пахнущим даже на расстоянии мешочком. – Обычно это помогает. Ну что, лучше?

Ей действительно стало лучше после того, как она поделилась своей тайной с Бокинфалом. Который не стал задавать ей вопросов и не изменился в лице, но взгляд его сделался твёрдым и прямым, какой бывает у людей, поглощённых одной-единственной мыслью.

– Благодарю. Гораздо. Прости, что доставила столько хлопот.

– Вот. – Кадмон положил мешочек на видное место. – Если вдруг ещё понадобится, пользуйся. В этой комнате нет окон, она почти в середине дома, но зато тут должно быть тепло, так что, надеюсь, она понравится вам не меньше, чем прежним гостям. А теперь, если вы увидели, что хотели, пора возвращаться.

– Конечно.

По сениям сновали незнакомые люди. Пенни ожидала обнаружить и привезённое тело бывшего главы этого семейства, но его, очевидно, перенесли в другой дом. Что-то привлекло её внимание в облике некоторых вооружённых мужчин, не принимавших участия в приготовлениях, а взиравших на происходящее с независимостью стражей. Приглядевшись, она вспомнила Каура, своего соседа, которого Сима буквально у неё на глазах превратил в послушного исполнителя своей чудовищной воли. У эти в волосах тоже покачивались коротенькие косички со вплетёнными в них золотистыми шнурками. Что рассказывала про них бабушка?

Она прижалась к Бокинфалу сзади, обняла руками за пояс, и изобразила нежность влюблённой девочки. На самом же деле её губы, касавшиеся его уха, шептали:

– Остерегайся воинов с косичками. Это могут быть *тауды*. Они под властью Симы. Они выполнят всё, что он прикажет, не думая о себе. Не спрашивай! Я знаю, как это бывает. Просто поверь и будь с ними очень осторожен.

– Если твоя веста не передумала, – ел их глазами Кадмон, – у неё ещё есть время присоединиться к Аноре. Я бы сам от горячей баньки не отказался, но, боюсь, мама неправильно меня поймёт. Пенни, вот идёт Мойна. Ступай за ней, а мы займёмся нашими делами.

– Очень осторожно, – сказала девушка на прощанье и побежала нагонять новую подругу.

– О чем это она? – встрепенулся Кадмон.

– Сомневается в моей верности. Считает, что тут у вас слишком много соблазнов.

– Можно подумать, что это мы собрались попариться, а не они. Ладно, пошли проверим, глубокой ли получилась яма.

Проходя мимо воинов, на которых указала ему Пенни, Бокинфал смотрел не на какие-то там косички, обычные для мужчин, побывавших на заставах в Пограничье, а на их вооружение: по два ножа за поясом, топоры, подвязанные прямо к ляжкам в кожаных ножнах, из которых их удобно выхватывать, у некоторых из-за спин выглядывали луки. Никаких мечей, никаких щитов. Так избирательно вооружаются те, кто знают толк в своём выборе. Если взять бойцов Ротрама, там у каждого тоже свои предпочтения: кто палкой длинной лихо орудует, кто топо-

ром, кто с большим удовольствием разит противника издали стрелой или арбалетным винтом, а кто придерживается традиционных методов и первым делом хватается за меч подлиннее да щит попрочнее. С этими легкой стычки не предвидится.

Бокинфалу подумалось, что совсем недавно они уже вот так же защищали честь другой девушки, Феллы, но тогда он был не один, а с Валбуром, показавшим себя с наилучшей стороны, да и противники об их существовании не подозревали до последнего мгновения. Здесь же он предоставлен сам себе, а эти парни так старательно отводят глаза, что совершенно ясно: они предупреждены и готовы расквитаться с ним в любой подходящий момент. С ним и с Пенни. Кадмон подтвердил его опасения.

– Серьёзная охрана у вас тут поставлена, – небрежно заметил Бокинфал, когда они вышли на улицу и свернули за дом. – Сколько их, дюжина, две?

– Никогда не считал, но, пожалуй, что две, – ответил в тон ему Кадмон. – А что?

– Да вот думаю, зачем понадобился я, если и так есть кому на защиту встать?

– А я никому из них не доверяю?

– Почему?

– В своё время их по распоряжению моего недальновидного отца набирал не кто-нибудь, а тот самый Ахим, которого вы давеча мертвым из-под стен замка выловили.

– Я, кстати, так и не понял, чем он твоей матери не угодил.

– Спроси что попроще. Меня её друзья, а тем более враги мало занимают. Всё, что я знаю, я знаю с чужих слов. Как я понимаю, этот Ахим замыслил предательство и готовился поднять восстание. А когда узнал, что его раскусили, бежал. Он жил у нас тут неподалёку, в сторожке, которую мы проезжали. Я тебе тогда ещё на неё рукой указал.

– Ну, да, я видел. Только не понял.

– Вот в ней-то он и жил. Тихим старичком прикидывался. Но отец рассказывал, что он и в старости умел отлично драться, настолько, что на спор побил бывшего главу стражей и тем самым заслужил право его заметить. Ну вот и заменил.

– И кто теперь ими руководит? Сима?

– Когда как. Пока нас не было, да, он. Сейчас, разумеется, мы с мамой будем.

– А при отце твоём?

– Ахим, я же говорю. Пока не сбежал среди зимы.

– Понял.

Бокинфал хотел поинтересоваться, знает ли Кадмон про этих странных таудов, о которых упоминала Пенни, но не успел: они вышли на зады избы, и глазам его предстало зрелище, поражавшее своей грандиозностью и необычностью.

Лес здесь был давно вырублен, а на его месте высились два причудливых сооружения. Одно представляло собой обрезанный и очищенный от веток ствол толстого дуба высотой в четыре человеческих роста, если не больше. С верхней части этого великанского пня кора была аккуратно содрана, и отсюда на Бокинфала взирала удивлённая морда огромной совы с яйцевидными глазищами и острым клювом-закорючкой. Резец мастера почти не тронул нижнюю часть туловища, не стал подчеркивать крылья или хвост, и только обнажённые корни естественным образом изображали когтистые лапки, вцепившиеся в почву. Бокинфал видел это совершенно отчетливо, поскольку вся поляна, если её можно так назвать, была тщательно очищена от снега до самой травы, бурой и гнилой.

Сова стояла в дальней части поляны, выделяясь на фоне запорошённого леса, а между ней и избой темнело ещё одно по меньшей мере странное сооружение. Островерхий кол в человеческий рост обступали по ровному кругу такие же деревянные колья, вырезанные из цельных стволов, вероятно, сосны и просто вкопанные в землю. Их спиленные верхушки соединялись между собой поперечными стволами, также выложенными по кругу и образующими таким образом замкнутое кольцо на подпорках.

Ни в пучеглазой сове, ни в столбовом круге не было ничего, что радовало бы глаз красотой и пропорциями, однако в обоих сооружениях чувствовалась какая-то странная, гнетущая сила, заставлявшая наблюдателя сбиться с мысли и поверить в то, что перед ним древний памятник культа, простоявший здесь на потребу хозяевам не один десяток зим.

Бокинфал, которому в своё время попадались рукописи по строительству, мог судить о возрасте круга, основываясь на креплениях поперечных стволов. Легко было заметить, что ими служили деревянные клинья, забитые под углом в более мягкую породу, как то делали ещё задолго до его рождения, тогда как теперь плотники воспользовались бы их железными заменителями, более удобными, но отторгаемыми древесиной и оттого менее долговечными.

От неожиданности увиденного Бокинфал не сразу заметил людей, суетившихся повсюду. Теперь, стряхнув первое оцепенение и придя в себя, он различил среди них не только Йедду, размахивавшую руками и объяснявшую что-то неподалёку от центрального кола, но и Симу, с непокрытой головой и в короткой шубейке прямо поверх домашнего халата. Последний стоял перед низеньким помостом между совой и кругом и руководил помощниками, затаскивавшими на помост свёрток с телом покойного Томлина. Судя по всему, он следил за тем, чтобы труп положили так, как он хотел, то есть ногами к сове и головой к центру круга.

Надо ли говорить, что ничего подобного Бокинфалу не приходилось ни видеть, ни даже читать. Похоронные обычаи у вабонов были довольно простыми. В зависимости от того, умер человек своей смертью или был убит, труп после прощания с близкими закапывали либо лёжа, либо, соответственно, стоя или сидя с оружием в руках, чтобы в случае необходимости он мог отразить нападение убитых им в прежней жизни противников. Покойника, как правило, ничем не укрывали, только обряжали в лучшие одежды и накрывали глаза гладкими камешками, собиравшимися по берегу Бехемы и даже продававшимися за бесценок на рыночной площади для тех, кто ленился или боялся ходить к воде. Камни эти обычно назывались окатышами. Если труп закапывался стоячим или сидячим, приложенные к глазам окатыши обвязывались специальной широкой лентой вокруг головы. Считалось, что так покойник будет лучше видеть в посмертии. Ритуалу непосредственного погребения предшествовало обязательное посещение ближайшей беоры, где родственниками и друзьями умершего делались скромные подношения увековеченному в ней герою с просьбой сопутствовать и содействовать их сородичу в новом для него мире. И никаких столбовых кругов, никаких помостов и уж тем более никаких гигантских изображений повелительницы насильственной смерти в облике совы. И никакой ямы, глубину которой они якобы пришли сюда проверить.

Он осторожно поделился своим сомнением с Кадмоном. Тот в ответ лишь оскалился.

– Чтобы зарыть щепотку праха большой ямы не нужно. Важна глубина, а не гора вырытой земли. У нас тут свои обычаи.

– Это я уже понял, – пробормотал Бокинфал, стараясь не выпускать из поля зрения Симу.

Понял он и то, что принятое им поначалу за помост сооружение на самом деле является высокой поленицей, которую в нужный момент зажгут под покойником в погребальный костёр, чтобы превратить тело в горсть пепла, о котором упомянул Кадмон. Это уже было ему более знакомо, поскольку старые рукописи рассказывали о тех временах, когда трупы, действительно, не закапывали в землю, а сжигали в огне и затем либо распускались по ветру, либо высыпались в Бехему. Но при Гере Одноруком, отце Ракли, обычай сжигать умерших сочли неподобающим и повсеместно запретили под предлогом того, что вырубка Пограничья и загрязнение воды, пусть и проточной, может привести к нежелательным последствиям. Чем это хуже зарывания трупов в землю, с которой вабоны кормятся, Бокинфал никогда до конца не мог взять в толк, но до сего дня его это слишком мало заботило. Обычаи, рассуждал он, придумываются людьми, люди меняются, значит, меняются и обычаи. Всё естественно. Конечно, ему приходилось слышать, что некоторые фолдиты нарушают правила и избавляются от покой-

ников по старинке, но на то они и фолдиты. Окажись тут Ахим, он бы, наверное, всё ему объяснил, но его не было, а голова Бокинфала сейчас болела больше о другом.

Тем временем они подошли к столбам, и Кадмон указал на неприметное отверстие в земле возле одного из них, с внутренней стороны круга. Отверстие выглядело размером с два кулака, очень ровным и, судя по всему, действительно, глубоким. Во всяком случае, дна сверху видно не было.

– Это и есть то, что ты хотел проверить?

Вместо ответа Кадмон опустился на колени и запустил в отверстие руку. Рука ушла под землю по самое плечо, и он утвердительно кивнул:

– Годится.

Бокинфал присмотрелся к другим столбам и обратил внимание на то, что возле большинства из них в том месте, где находилось свежевырытое отверстие, лежат довольно крупные, примерно в человеческую голову камни, на которых выцарапаны непонятные знаки. Не надписи, а именно знаки, хотя положения чёрточек и точек во многом перекликаются со знакомым ему письмом.

– Тут уже кого-то хоронили?

– Разумеется. – Кадмон встал и отряхнул колени. – Здесь зарыты все мои предки. По материнской линии. Столбов тринадцать, и тринадцатым, для кого выроют такую могилку, буду я.

– А что потом?

– Круг замкнётся.

– И?..

– Если интересно, поговори с моей матерью. Она в этом разбирается гораздо лучше меня. А вот и она.

– Всё хорошо? – начала незаметно подошедшая Йедда с вопроса. – Ты проверил?

– Да, глубина в самый раз. Что ещё нужно сделать?

– Ты нас не познакомишь?

Бокинфалу показалось, что она уставилась на него с интересом, не подобающим вдове, но выдержал тяжёлый взгляд и даже изобразил улыбку.

– Это Бокинфал, мой хороший знакомый. Он здесь для моей охраны, так что не думаю, что ты будешь возражать...

– Конечно, не буду. Твоя безопасность для меня самое важное. Мне показалось, вы были к нам не один?

– Со мной моя девушка. Анора предложила...

– Это очень хорошо. Располагайтесь. Сожалею, что поводом нашего знакомства послужило столь печальное событие. Кадмон, дитя моё, проследи за Симой. Костёр должен загореться с первого раза. Я не хочу подвести моего мужа.

Она как-то странно зыркнула на Бокинфала и направилась прочь из круга, в сторону одной из дальних изб.

– Сима! – крикнул Кадмон, спеша выполнить указание матери. – Дай-ка мне понюхать.

Это относилось к содержимому вёдер, которые какие-то люди выстраивали в ряд перед помостом.

Сима гостеприимно развёл руками, приглашая присоединиться. Бокинфала он встретил вежливым кивком и этим ограничился.

– Можете убедиться сами, маго. Горючее масло высшей пробы. Запах, сами слышите, слабый, так что выветривается оно плохо.

– Не пора ли пропитывать им дрова?

– Дрова уже укладывались в пропитку, так что не сомневайтесь, гореть будут жарко и достаточно долго. Прошлый конфуз не повторится, уверяю.

– А где мёд?

– Я только что послал за ним.

– Хорошо. Надеюсь, всё будет как надо. Ты знаком с Бокинфалом?

– Красивое имя. Надолго к нам? – Не имея больше возможности уклоняться от встречи, Сима смотрел теперь нарочито открыто и даже приветливо. Только левое веко чуть дергалось.

– По обстоятельствам, – ответил за Бокинфала Кадмон. – Если за сегодня управимся, то завтра можно будет возвращаться в замок.

– Там не опасно, маго?

– Не опаснее, чем здесь. Бокинфал меня защитит.

– А кто защитит Бокинфала?

Вопрос был задан в шутку, однако двое из троих поняли истинный его смысл. Ответа Сима не ждал и потому продолжал:

– А девушка по имени Пенэлла теперь присматривает за Анорой?

– Пенни, полагаю, сейчас занята как раз тем, что трёт ей спину, – мечтательно заявил Кадмон, на что Сима, бросив взгляд на помост, заметил:

– Лишь бы не получилось наоборот.

– Что ты сказал?

– Лишь бы не получилось наоборот: пока мы не развернём саван, не узнаем, где голова, а где ноги.

– Не говори глупости. Всё правильно лежит. Думаешь, я не видел, как его запелёнывают?

С этим ты как раз справился. Сколько ещё ждать?

– Всё зависит от вашей матери. Вы спешите?

Кадмон оставил вопрос без внимания и направился к гигантской сове. Бокинфал задержался.

– Кажется, вы не очень рады новым знакомым вашего подопечного? – обратился он к спине Симы.

– Моего подопечного? Вот мой подопечный. – Тот кивнул на помост. – Теперь он один и беззащитен перед тем, что его ждёт. Но видели бы вы, каким смелым и властным он был при жизни. Никогда не стоит преувеличивать своих сил.

Это уже откровенная угроза!

– Он разве их преувеличивал?

– Иногда горячился и нападал не на тех людей.

Он меня предупреждает!

– То же можно сказать о любом из нас. Повязка на голове ещё не залог победы.

Бокинфал произнёс слово «подвязка», или «таод», на старый манер, чтобы она прозвучала как «тауд». Сима на мгновение изменился в лице, но быстро овладел собой, только веко теперь дёргалось чаще. Он внимательно посмотрел на собеседника и сказал почти шёпотом:

– А вот это я бы не советовал вам проверять.

– Весьма ценю вашу заботу. Поверьте, мне бы тоже не хотелось портить праздник.

Надо же сморозить такую глупость, думал он, отходя от помоста и следуя за Кадмоном. Праздник! С языка сорвалось. Вряд ли даже этот Сима рад потере своего хозяина. Хотя по нему не скажешь. Явный интриган, привыкший скрывать чувства под личиной занятости и ответственности. Теперь он знает, что я знаю. А что я, собственно, знаю? Что нужно держать ухо востро и не подпускать никого к Пенни? Это и так понятно. Тогда что я делаю здесь? Но не бежать же мне сломя голову в женскую баню? Тэвил! А если Пенни права, и меня опередят? Кто его разберёт, как он там управляет этими своими таудами! Может, он уже отдал приказ, и кто-нибудь из них сейчас точит нож или крадётсЯ через облака пара к голым телам...

Он так ярко вообразил себе эту картину, что, подойдя к Кадмону, машинально спросил:

– Где тут у вас баня?

– Попариться решил? Придётся подождать. Анора не любит спешить. Да ты не переживай, твоя Пенни в надёжных руках. Уж мне-то поверь!

Его ухмылка была невыносима. Зачем они приехали сюда? Кому и что решили доказать? Неужели глупышка и в самом деле сочла это сродни подвигу, о котором брехал Ахим? Кому такие подвиги нужны? Мог ли Ахим наперёд знать, что здесь окажется её враг? А мог ли не знать, если служил тут долгое время сторожем? Значит, это его рук дело. Только вот чего он добивается? Чтобы Бокинфал окончательно разнервничался и первым обнажил меч? Симу и пару-тройку его молодцов, так и быть, он подарит Квалу, но остальные как нечего делать превратят его из луков и арбалетов в большого ежа. От стрел долго не поуворачиваешься. У Ротрама он это не раз пробовал, но четвёртый или пятый выстрел всегда настигал его и оставлял синяк если не на затылке, то на боку или бедре. Нет, открытого противостояния следует во что бы то ни стало избегать. Или всё-таки изловчиться и нанести упреждающий удар? Эх, скорее бы заходило солнце!

– Нисколько не сомневаюсь, что девочкам сейчас хорошо, – сказал он, разглядывая опалённую прежними кострами кору совиного дерева и тугое переплетение корней. – У вас тут вообще всё хорошо продумано и схвачено. И охрана начеку. Не понимаю, зачем тебе понадобился я? Как телохранитель?

– А с чего ты взял, что мне понадобился именно ты?

Тон его голоса изменился, и Бокинфал, почуввав неладное, оглянулся. Он словно провалился в сон, вернее, кошмар, о котором только что думал наяву. Между стволами таинственного круга стояли и внимательно смотрели на него трое, нет, четверо воинов с косичками. Один из них медленно поднимал прицел арбалета. Остальные держали наизготовку парные ножи и топоры. Западня! Внутренний голос кричал о ней с самого начала, однако он не послушался. И что теперь будет с Пенни?..

– Пенни!!

– Меня зовут!

– Тебе показалось. – Анора гладила пенной губкой блестящую грудь новой подруги, которая лежала на жарком каменном ложе и покорно сносила причудливые ласки. Трое служанок во главе с Мойной, тоже обнажённые и истекающие потом, растирали ей ноги и плечи. – Тебе показалось.

Пенни прислушалась. Шипение воды на камнях в очаге и прикрытые ставни мешали уличным звукам проникать внутрь переполненной густым паром бани, однако своё имя она услышала явственно. Нежные прикосновения убаюкивали и не давали собраться с мыслями.

– Пенни!!

Вот снова! Такое не может показаться.

Она решительно выскользнула из-под настойчивых рук и босиком подбежала по прохладным доскам к ближайшему окну. Толкнула кулаком ставни. Её уже хватили сзади и тянули обратно, но она успела увидеть измазанного в крови человека, очень похожего длинными патлами на Бокинфала, который размахивал мечом и пятился от двоих воинов.

– Пенни! Нас предали!

Не смея поверить в происходящее, она обернулась и увидела перекошенное лицо Аноры.

– Хватайте её!

Она чудом увернулась от навалившихся на неё прислужниц, успев ударить одну ногой, а другую наотмашь кулаком по лицу, сильно толкнула в грудь Анору и в два прыжка оказалась возле табуретки со своей одеждой, в складках которой прятался спасительный кинжал.

– Ты не это ищешь? – остановил Пенни окрик Мойны.

Острое лезвие сверкало у неё в руках. Ну конечно, у служанок было сколько угодно времени, чтобы обшарить её вещи, пока она отмокала в горячей воде и неловко сопротивлялась поцелуям Аноры!

Пенни, как была, рванулась к двери на улицу. Тяжелая щеколда оказалась в свою очередь закрытой на хитрую задвижку. Не избавишься от задвижки, не поднимешь щеколду, не откроешь дверь.

– Пенни!

Он ещё жив! Ему надо во что бы то ни стало помочь! Бедный Бокинфал!

Четверо голых девушек обступили её плотным кольцом. Правда, ни одна не решалась приблизиться первой.

– Зачем ты сопротивляешься? – сказала, тяжело дыша, Анора, потирая ушибленное при падении бедро. – Никто не хочет тебе зла.

– Я это вижу... И слышу... Выпустите меня!

– Только когда свяжем. – Анора покосилась на моток пеньковой верёвки в руках одной из служанок, той, что недавно позволяла себе особенно смелые ласки.

– Поверь, это лучше, чем изведать собственный кинжал, – угрожающе заверила Мойна.

Почему я не Тайра, вспомнила Пенни свою кареглазую подружку из Обители, пошедшую путём гардиан, то есть воительниц. Сейчас я бы знала, что делать.

Она попыталась лягаться, однако ей удалось попасть точно лишь один раз. Противница скрючилась от боли и повалилась на мокрый пол, но зато её товарки воспользовались паузой и дружно набросились на обидчицу. Та, у которой была верёвка, сумела накинуть один виток на шею Пенни и затянуть так, что у последней перехватило дыхание, глаза наполнились слезами, а от напряжения из носа брызнула кровь. Это конец, поняла она, хватая ртом воздух, царапнула ногтями Анору по щеке, получила удар коленом в поддых и покорно опустила лицом в пол, позволяя себя бить, пинать и связывать.

Вероятно, она потеряла сознание, потому что когда снова с трудом открыла глаза, ни пола, ни бани, ни служанок не было. Она лежала под высоким потолком, раскинув руки и ноги, на чём-то жестком. Кисти и щиколотки ныли от крепко вцепившихся в них верёвок, а холодный сквозняк игриво оведал голое тело.

Под потолком покачивались какие-то тряпки. Потрескивали факелы. Стояла подозрительная тишина.

Пенни повернула голову влево. Увидела свою посиневшую руку. Рука лежала на толстой деревянной балке. То же происходило и с правой рукой. Прижав к груди подбородок, увидела покрытую пупырышками грудь и втянутый живот.

Между бесстыдно разведённых в стороны ног стояла Йедда. Тепло одетая, в каракулевой шапке, похожей на ведро, и в тонких варежках из кроличьего меха. Она спокойно, без ненависти взирала на Пенни и молчала.

Пенни попыталась заговорить, но не смогла: мешал насквозь промокший кожаный кляп, перехваченный обвязанной вокруг шеи верёвкой. Бессильно замычав, девочка снова запрокинулась.

Что они с ней делают? Зачем весь этот позор? Где она? Что с Бокинфалом?

Пенни снова провалилась в безвременье и даже увидела короткий сон о том, как они вдвоём забираются на вершину Меген'тора и прыгают вниз, но не разбиваются, а расправляют крылья и перелетают над стремниной Бехемы на другую сторону, к горам, где тепло и безопасно.

– Сегодня большой праздник! – услышала она сквозь полузабытьё. – Сегодня день нашего Создателя! И мы должны отблагодарить его за то, что он своей щедростью позволил нам войти в этот мир и стать его движущей силой, его кровью. Без нас отныне не происходит ничего. Ничего! Мы избраны свыше, чтобы придать жизни смысл. Мы избраны, чтобы ужасать непосвященных. Мы избраны, чтобы править! *Аха Гов'ях хама мах!*

– Аха Гов'ях хама мах! – повторил неровный хор голосов.

– *Ихи Гов'ях маха хам!* – воскликнул говорящий, вернее, говорящая.

– Ихи Гов'ях маха хам! – дружно закричали голоса.

Эти крики окончательно пробудили Пенни, и она попыталась приоткрыть глаза. Рот был по-прежнему забит чем-то твердым и ледяным. Рук и ног она просто не чувствовала. Всё тело сотрясала мелкая дрожь, от которой не было избавления. Разомкнув наконец неподъемные веки, она не сразу осознала то, что видит.

Теперь она лежала не под высокой крышей, а на улице. Из черноты неба падал неторопливый снег и таял в огне многочисленных факелов. И небо, и снежинки, и факелы странным образом вращались вокруг неё. Или она вращалась внутри них. Всё как будто плыло мимо одним сплошным хороводом.

Она, как и в прошлый раз, с трудом повернула голову. К хороводу прибавились стоящие в ряд деревянные столбы с бревенчатым перекрытием наверху. Она вспомнила, что видела нечто подобное раньше, из окошка бани.

Между столбами замерли фигуры людей в жёлтых и зелёных повязках на головах. Факелы отбрасывали на их лица пляшущие тени, и казалось, что лица неуловимо меняются, оставаясь при этом хищными и звериными. Или птичьими.

Она была по-прежнему привязана к скрещенным балкам. И лишена малейшего прикрытия своей бесстыдной наготы. На морозе. Поэтому она больше не ощущала тела. Даже опускавшиеся на руки и грудь снежинки отказывались таять. Она окоченела.

В ногах у неё шли двое. Шли, толкая перед собой нижние оконечности её креста, вращая его по бесконечному кругу, медленно и неотвратно. Присмотревшись, она узнала Кадмона и Анору. Волосы девушки были подобраны под зелёный платок, туго обмотанный несколько раз вокруг головы. На Кадмоне точно такой же убор имел жёлтый цвет. Он шёл впереди, она за ним, понурив головы и не глядя в сторону несчастной.

– Сегодня, как и всегда в этот день, мы приносим нашему Создателю обещанную жертву.

Каха Гов'ях говенах!

– Каха Гов'ях говенах! – подхватили зелёные головы.

– И пусть эта жертва скрепит своей кровью наши прочные узы! *Ибри Гов'ях аха хам!*

– Ибри Гов'ях аха хам! – завывали жёлтые.

Пенни поняла, откуда ей слышится женский голос. После очередного поворота она увидела фигуру в похожей на ведро чёрной шапке, стоящую вне столбового круга, на высоком помосте, и то и дело вскидывающую руки, словно подгоняя собственные слова. Она стояла ко всем спиной, обращаясь к огромной деревянной сове, взиравшей на происходящее удивленно вытаращенными глазищами.

– Мы любим тебя.

– Мы любим тебя!

– Мы помним тебя.

– Мы помним тебя!

– Ты дал нам всё.

– Ты дал нам всё!

– Прими же наш дар.

– Прими же наш дар!

– *Ихи хама маха хам.*

– Ихи хама маха хам!

Сова видела, как в центре круга вращается крест с привязанной к нему синей от холода обнажённой девушкой. Юноша с жёлтой головой и девушка с зелёной отстранённо шли у неё в ногах, приводя крест в движение. К помосту подошёл человек в длинном халате и короткой шубе и протянул стоявшей сверху женщине глиняный кувшин. Женщина в некрасивой чёрной шапке нагнулась, приняла кувшин обеими руками и повернулась к лежавшему на помосте телу мужчины с длинным носом, ставшим после смерти ещё длиннее, и густыми бровями,

поседевшими от снега. Она начала лить из кувшина густую прозрачную жидкость прямо ему на лицо, на шею, на живот. Когда жидкость закончилась, всё тот же человек подал ей второй кувшин. За вторым последовал третий. Крест с обнаженной девушкой продолжал кружиться. Притихшие было между столбами жёлтые и зелёные люди снова стали выкрикивать какие-то хриплые слова. Женщина обливала труп до тех пор, пока он с головы до ног ни оказался покрыт чем-то вязким и блестящим. Порывы ветра клонили языки пламени на ярких факелах во все стороны. Человек помог женщине спуститься с помоста и вручил ей один из факелов. Крики стали громче. Они превратились чуть ли не в визг, когда женщина ткнула факелом в помост, а слагавшие его деревянные жерди разом вспыхнули и взметнули в черное небо столб оранжевых искр. Те двое, что кружили крест, побежали. Обнаженная жертва из последних сил металась в растягивавших её порозовевшее от огня тело путях и порывалась закричать, но ей мешала повязка через разинутый рот. Зато теперь очень хорошо был слышен вопль привязанного к дальнему от костра столбу юноши с длинными спутанными волосами. Он был раздет до пояса, и по его израненной груди стекали ручейки запёкшейся крови.

– Пенни!! Не-е-ет!!

Этим воплем он словно силился отогнать вошедшую в круг женщину. Всё ту же, что подпалила помост. Теперь в руках у неё вместо факела сверкал нож с длинным лезвием. Вращающийся крест резко остановился. Толкавшая его до сих пор пара отступила в сторону. Женщина подняла нож над извивающимся телом и снова что-то заговорила, не обращая внимания на крики длинноволосого и перекрывая весёлый треск разгорающегося костра. Теперь по кругу пошли все те, кто стоял между столбов. Хоровод продолжился. Идущие в нём запели. Нож в воздетых руках женщины дрожал словно от напряжения и ждал, когда она закончит говорить и опустит его одним махом в трепетную плоть.

– Пенни!!

Стрелы прилетели со стороны леса, из-за спины совы. Тем, кто их заметил, могло показаться, что это очередной порыв ветра сдул на собравшихся искры от костра. Огненные стрелы утыкали обращённые к сове столбы, сбили с ног не меньше десятка поющих, одна пробила навывлет шею женщины с ножом, другая застряла в плече девушки в зелёном платке, ещё дюжина перемахнула столбовой круг и повпивалась в брёвна большой избы под самой крышей, где навстречу маленьким язычкам пламени потянулась податливая солома.

За первой стаей стрел последовала вторая, тоже огненная и разящая наповал без разбора, и только после неё из леса стали выскакивать стремительные тени. Они настигали уцелевших при обстреле людей и полосовали им груди, шеи, но по большей части спины ржавыми лезвиями видавших виды кинжалов. Над рыжими головами то и дело взлетали тяжёлые дубины, добивавшие раненых, кровь забрызгивала тлеющие столбы, жёлтые и зелёные повязки обгалялись красными пятнами, кричали все, и гибнущие, и их убийцы, костёр трещал, крыша избы принялась и пошла по краю огненной змейкой, длинноволосый потрясённо вращал глазами, крест на центральном столбе безжизненно покачивался. Лишь одна из павших в снег за столбовым кругом фигур в короткой меховушке то и дело приходила в движение и медленно отползала прочь, волоча по сугробам грязный подол длинного халата и оставляя на оранжевом снегу темный след крови.

– Пенни!..

Бокинфал очнулся от собственного крика и снова начал рваться из удерживавших его пут. Со своего места у столба он не видел, что случилось с ней, задета ли она стрелой или убита, успела ли Йедда погрузить в неё лезвие жертвенного кинжала или безмолвный истукан с совиной мордой позволил свершиться чуду. Вокруг него творилось жестокое избиение, дикари вопили от радости, столб пламени на месте помоста бушевал, обдавая всех и вся своим горячим дыханием, огонь перекидывался по бревнам перекрытия со столба на столб и неотвратимо

приближался к нему, ослабевшему от криков и ран. Кровь и слёзы застилали глаза, но он всё глядел в распростёртое на кресте неподвижное тело и надеялся, надеялся...

Казалось, нападавшие не замечают ни привязанного к столбу пленника, ни обнажённую на кресте девушку. Они вошли в раж и упивались своим нехитрым делом, не просто убивая, а уничтожая врагов. Из соседних изб сбегались новые защитники, те, что не испугались появления шеважа и кое-как пытались оказать достойный отпор. Но как бы отчаянно они ни сражались, защищая себя и то небольшое, что осталось от поместья, силы были неравны, и они падали в снег, пронзённые стрелами, размахивая обрубленными руками и поражаясь количеству вываливающихся из животов вонючих кишок.

Бокинфал увидел остановившегося поодаль широкоплечего дикаря с огненной шевелюрой и могучей грудью, обтянутой грубой меховой курткой. Казалось, она ему мала. Длинные волосатые руки заканчивались здоровенными кулачищами, в которых окровавленный двуручный меч выглядел кухонным ножиком. Силач покосился на Бокинфала, растянул рот в белозубой улыбке и без размаха рубанул мечом по столбу. Верёвки упали в снежную лужу. Бокинфал повалился вперёд, потеряв равновесие, поскольку ноги его оставались скованными. Он увидел подле себя истертый башмак дикаря и услышал хриплый голос, произносивший знакомые слова:

– Не беги. Стрелы догонят. Никто не защитит. Оставайся тут.

Удивиться Бокинфал не успел. Рывок, и ноги тоже оказались свободными. Он бросился было к Пенни, но понял, что вместо этого медленно ползёт на четвереньках, преодолевая страшную боль во всём теле. Сил хватило лишь на то, чтобы дотянуться до креста и заставить его покачнуться. Он со стоном повалился на спину и обратился умоляющим взглядом к своему странному спасителю.

Дикарь что-то крикнул в сторону, и рядом с ним появилось ещё двое, рыжих, с раскрашенными лицами, тяжело дышащих и тоже чему-то улыбающихся. Сообразив, что от них требуется, они бросили на землю и расстелили невесть откуда взявшуюся широкую шкуру, поколдовали у рук и ног Пенни, разрезая верёвки, легко подхватили безжизненное тело и... Бокинфал потерял сознание.

Очнулся он от приятной качки. Голова кружилась. Плечи сжимало что-то округлое и плотное. Перед помутневшими глазами из стороны в сторону ходило звёздное небо, точнее, его узкая полоска, ограниченная двумя сучковатыми жердями. Его куда-то несли. Небо то и дело перекрывали чёрные ветки. Они в лесу. Ну конечно, куда же ещё деваться дикарям. Даже если они победители.

Пенни... Что с ней стало? Удалось ли её спасти? Он отчетливо вспомнил улыбки подручных того странного силача. Едва ли они по доброй воле согласились бы расстаться с таким лакомым трофеем. Шеважа сразу убивали только мужчин. Женщин они сперва использовали по прямому назначению. Так говорили все в Вайла'туне и об этом рассказывали многие летописи. Подобная участь могла обойти Пенни стороной разве что в том случае, если им досталось уже её мертвое тело. Мёртвое тело...

– Пенни!

– Не кричи, – отчётливо донеслось снаружи. – Твоя жена жива.

Жива! Он сказал, она жива! Бокинфал почувствовал, что плачет. Расслабился. Вгляделся в небо. Вот уж точно говорится: помощь приходит тогда, когда не ждёшь, и оттуда, откуда не знаешь.

– Кто вы?

Это его голос или это его спросили?

– Молчи, *илюли*.

Значит, спрашивал он. Действительно, какая разница? Разве и так не ясно, что он угодил в руки наиболее отчаянных дикарей, которые отважились выйти из леса, причём зимой,

и напасть на те постройки, которые своей дерзкой близостью к Пограничью не могли не раздражать всё это время его обитателей?

– Зачем вы...

– Молчи!

Он никогда не предполагал, что среди шеважа есть те, кто знает язык вабонов. Хотя в этом, если призадуматься, нет ничего невероятного. Конечно, едва ли можно представить себе, как дикари подбираются к их избам и из засады слушают и запоминают непонятные разговоры. Скорее всего, отгадка кроется в том времени, когда вабоны совершали набеги на поселения дикарей в лесу и не просто уничтожали их, как теперь, а захватывали в плен женщин и детей, приводили в Вайла'тун, и превращали в предметы купли и продажи. Это время продолжалось довольно долго и закончилось не так давно, когда Гер Однорукый запретил подобную торговлю и поставил лесных пленников за коном, то есть повелел их просто не брать. Причиной тому было жестоко подавленное восстание прижившихся у вабонов шеважа, а также неоднократные случаи рождения детей от смешанных родителей. Дети все как один получались рыжими, и их было легко опознать, однако их появление сильно влияло на отношение вабонов-отцов к пленникам. Замок не мог этого допустить. В один прекрасный день сын Гера, Ракли, объявил об уничтожении всех, у кого рыжие волосы и кто не покинет пределы Вайла'туна к наступлению ночи. Бокинфал слышал о нескольких вопиющих случаях, когда вместе с рыжим приплодом в Пограничье ушли оба родителя. Что случилось там с вабонами, никому не известно. Едва ли шеважа приняли своих извечных преследователей и убийц. Кому-то удалось чудом остаться в Вайла'туне. Примером тому была служанка Ротрама по имени Шори, предки которой затерялись среди вабонов. Почему же нельзя предположить, что кому-то удалось по возвращении в лес сохранить навыки чужого языка и даже передать их потомству?

Несмотря на отчаянность своего положения Бокинфал настолько обрадовался вести о Пенни, что слабость от большой потери крови взяла своё, мерная качка убаюкивала, носилки согревали, и он в конце концов безропотно сдался на волю победителей и уснул.

Очнулся он от ноющей боли. Ныло всё тело, особенно спина и плечи. Небо больше не качалось. Где-то рядом потрескивал костёр, и этот звук, сопровождавшийся полётом редких искр, возродил в его памяти ужасающую картину жертвоприношения и последующей резни. Бокинфал застонал и пошевелинулся. Руки оказались связанными на груди. Щиколотки тоже сдавливала верёвка. Быть спасённым от неминуемой смерти, чтобы снова попасть в плен!

– Прости, илюли. Но мы не можем позволить тебе сбежать и навести на нас твоих воинов.

Уже знакомый ему силач сидел поодаль и затачивал ножом колышки, роняя стружки в костёр.

– Ты знаешь наш язык?

– Плохо, но знаю. Ты лучше спи дальше.

– Где моя... жена?

– Спи.

– Вы убили её?

– Спи.

– Зачем вы спасли нас?

– Много вопросов.

– Ответь хоть на один.

– Тихо, илюли. Спи.

Пленник явно хотел сказать что-то ещё, но только яростно сверкнул подбитым глазом и отвернулся. Гури отложил готовый колышек и взялся за следующий.

Знал бы этот несчастный парень, так похожий на *Тикали* своими длинными волосами, что определённый ответ он мог получить лишь на первый вопрос. Его жена была здесь же, по другую сторону костра, но жизнь в ней едва теплилась, хотя на её окоченелом теле они не заметили

таких серьезных ран, как у него самого. А зачем их спасли, Гури знал не больше остальных. Собственно, именно его волосы, показавшиеся им в отсветах пламени рыжими, вынудили их сделать то, что они сделали. Тикали долго наблюдали за происходящим вокруг странных столбов, прячась в заснеженных зарослях, однако они и представить себе не могли, что илюли додумались до того, чтобы приносить в жертву своих же собственных сородичей. У голой девушки волосы были светлыми, и Гури, давая сигнал к атаке, предполагал, что они имеют дело с чем-то необычным, а не просто с расправой над лесными пленниками. Которыми, как они все тогда думали, могли оказаться сбежавшие накануне из стойбища Чарк и Жага, обманувшая тем самым надежды их вождя, Гела. Стая Гури были послана за ними в погоню, они долго шли по отчётливому следу и таким образом оказались в той стороне Леса, куда обычно ни Тикали, ни дружественные им теперь *Фраки* прежде почти не заходили. То, что жертв у столбов было двое, что это были мужчина и красивая женщина, что волосы мужчины выделялись длиной, смутило Гури и остальных. Хорошо ещё, что их нападение оказалось настолько неожиданным, что в завязавшейся схватке они никого не потеряли. Двое получили лёгкие раны, но это не в счёт по сравнению с трофеями, которые они подобрали на поле боя и теперь несли в дар Гелу, надеясь, что прекрасные ножи, тугие луки и прочные топоры заставят его сменить гнев на милость и не позволят посчитать неудачную погоню уж совсем провальной. Гури вообще сомневался, что Гел стал бы отправлять вслед за своенравной Жагой столько своих воинов, если бы не Чарк, который всегда был ему добрым другом и который предал его ради этой запретной любви. С предателями у Гела был разговор короткий. Точнее, был бы, если бы такие отважились объявиться в их стойбище. После объединения с кланом *Фраки* и тем более после познания тайны Огня, кажется, недовольных среди Тикали не осталось. Гел был молодым и сравнительно недавним вождём, принявшим Меч Правителя после гибели Немирда, своего отца, однако он уже успел доказать, что носит этот признак отличия по праву не только рождения, но доблести и прозорливости. Он смог даже привлечь на свою сторону одноглазого Зорка, неуживчивого брата Немирда и вождя клана *Фраки*, после чего их союз стал самым могучим в Лесу и, как железный камень, начал притягивать к себе кланы послабее. Таким образом, ещё до наступления первых холодов был положен конец давнишней розни, и дети Леса объединились в могучую силу, которая обещала в скором времени неудержимым ураганом пронести по землям илюли. Чего Гури, правда, хотел и ждал гораздо меньше своих соплеменников, поскольку среди илюли жила Элета, его старая мать, старая по возрасту, но не по виду, поседевшая лишь недавно, во время нападения детей Леса на её тун, как называли илюли свои стойбища. Всю жизнь проведя в Лесу, воспитываясь у отца своего отца, деда Акита, Гури иногда, очень редко пробирался под кровом ночи в её жилище, однако их редкие встречи лишь тем сильнее мучили его, поскольку во всём остальном он оставался гордым потомком Тикали. И до последнего времени тщательно скрывал от остальных, что понимает язык их извечных врагов. Волей случая ему стало известно, что Гел, приблизивший его к себе за исключительные способности воина, сам не только прекрасно владеет языком *кен'шо*, общим для обитателей Леса, но и понимает без посторонней помощи тех пленных вабонов, которых им не так давно удалось взять на одной захваченной заставе. Гел вообще умел удивлять. Потому-то он и стал тем, кем стал. Тикали не считали правильным, чтобы новым вождём обязательно становился сын вождя нынешнего. Они созывали совет старейшин, на котором выбирался наиболее достойный. Гел был выбран единодушно. И ни разу ещё не заставил усомниться в мудрости старейшин. Он сам каким-то образом догадался, что один из его лучших воинов понимает язык тех, кого хладнокровно убивает. И что самое удивительное, не заподозрил за это Гури в предательстве. Напротив, он сперва дал понять, что знает его тайну, а потом выделил и стал поручать наиболее щекотливые задания. Такие, как, например, это: поймать влюблённых беглецов или, по меньшей мере, удостовериться в том, что они каким-то образом не переметнулись к илюли. На последнем настаивал подозрительный до занудства Зорк. Поскольку, хотя иногда случаи

побега Тикали в другие кланы случались, попытка спрятаться в землях илюли выглядела невероятной. Когда Гури увидел этого длинноволосого парня, он на мгновение поверил в то, что Зорк оказался поразительно прав. Исход расставил всё на свои места. Беглецов они не отловили, след потеряли, но зато теперь доставят Гелу живьём двоих илюли, едва ли сохранивших какое-либо желание выгораживать своих соплеменников, которые их чуть не зажарили. Причём женщина, если выкарабкается, хоть куда, может удачно заменить Жагу. Потому что Чарка готов заменить он, Гури.

Пленник послушался его лишь наполовину. Он больше не заговаривал, но лежал с широко открытыми глазами и пялился на звёзды. Гури сам проследил, чтобы его напоили целительным отваром и обложили раны горячими листьями сонного дерева. Раны были глубокие и кровавые, такие получают не пленники, а воины в бою, из чего он мог сделать вывод, что длинноволосый успел постоять за свою жизнь и уступил если не умением, то числом. Когда он поправится, интересно будет проверить, чего он на самом деле стоит.

Замёрзшую женщину они укутали накидками, проложив горячими камнями из костра. Гури не знал, сколько времени она провела на морозе. Поначалу он вообще решил ограничиться только спасением длинноволосого, но когда потрогал красивую грудь с посиневшим соском, женщина издала слабый вздох и тем самым решила свою судьбу. В неё тоже удалось влить немного отвара, так что теперь она забылась глубоким сном, хорошо бы не смертельным, и лишь изредка сотрясалась от утробного кашля.

Ночь прошла тихо, никто в погоню за ними не бросился, шум пожарища остался далеко позади, и наутро, едва темнота разделилась на чёрные деревья и серый снег, они без сожаления забросали кострище землёй и двинулись дальше.

Раньше, до овладения Огнём, они бы не позволили себе подобной расточительности. Раньше Огонь был чудом и врагом, теперь же он превратился в доброго и послушного друга. Отныне стаи получили возможность без страха покидать стойбище и передвигаться по всему Лесу, прихватив с собой заветный сосуд с волшебной жидкостью, внутри которого слабым, но постоянным пламенем горела особая плетёная из *флакса*¹ верёвка, горела долго, столько, сколько потребуется. От неё они всегда могли зажечь кору и развести костёр, а если кора оказывалась сплошь влажной от снега, было достаточно слегка полить её той же жидкостью, и Огонь возвращался. Рассказывали, что это была замечательная придумка Зорка. Если бы не Гел, он бы наверняка сделался вождём всех кланов. Притом, что с собой он привёл к Тикали всего лишь жалких *эму-нош* Фраки – иначе говоря, столько, сколько пальцев было руках у четырёх людей.

Счёта, превышающего десять пальцев, соплеменники Гури по отцу, в отличие от илюли, не знали. Зато у каждого пальца было свое имя, и самым большим числом до недавних пор считалось *нош-нош*, то есть «мизинец мизинцев» или «десять десятков». Считали слева направо, от мизинца до мизинца: *ниш, гиш, эку, эму, герч, горч, ому, оку, гош, нош*. Теперь, когда в клан Тикали влились не только Фраки, но также Гварки, Даги, Питчи и даже остатки почти уничтоженных Лопи и Олди, никто иной как Гури подсказал Гелу простой способ расширить счёт сверх десяти десятков. Гел быстро его понял и рассмеялся, сказав, что скоро, очень скоро они дойдут до великого предела – *нош-нош-нош*.

– Твоя жена будет жить, – заверил Гури пленника, поравнявшись с носилками и стараясь не обращать внимания на косые взгляды собратьев, придерживавших жерди на плечах. – Жара кончилась.

– Жар спал, – поправил Бокинфал, от радости готовый расцеловать этого огнеголового дикаря и хоть вечно ходить с завязанными руками. – Кто ты?

¹ Флакс – растение, длинные листья которого используются шеважа для получения веревок, а из семян получается горячее масло

– Гури.

– Послушай, Гури, я очень благодарен тебе, всем вам, за наше спасение. Мне никогда не приходилось бывать в этих местах, но я догадываюсь, что вы несёте нас в свой лагерь. Что вы хотите с нами сделать?

– Наш вождь скажет.

– Ваш вождь? Ну, конечно, как же иначе! А его как зовут?

– Гел.

– Гел, Гел... хорошее имя. Надеюсь, что и он хороший. Он ведь не захочет нас убивать, да? Иначе зачем бы вы нас выхаживали и несли такую даль. Я ведь прав?

– Не знаю. Как твоё имя?

– Бокинфал. Обычно друзья называют меня просто Бок, я не против. А мою девушку зовут Пенни. Она спит?

– Да. Хватит говорить.

Дикарь отстал, и Бокинфал вернулся к рассматриванию заснеженных веток, проплывающих по светлеющему небу.

Совсем не так представлял он свою встречу с шеважа. Все вабоны рано или поздно думают о ней, с ненавистью или страхом. Чтобы увидеть шеважа, нужно было стать виггером и отправиться в Пограничье либо на заставу, либо в числе карательного отряда. Жившие по окраинам Вайла'туна фолдиты иногда сталкивались с ними поблизости от своих тунов, но в зависимости от численности та или другая сторона спасалась бегством. Лишь в последнее время участились случаи появления осмелевших дикарей в самых неожиданных местах, что некоторые связывали будто бы с овладением ими тайны получения, а главное – поддержания огня. Во всяком случае конца зимы многие ждали с трепетом. Ходили слухи, что шеважа обязательно воспользуются весенней сухостью и начнут жечь незащитные постройки. Сперва ближайшие к лесу, а затем и все остальные. Вчерашнее нападение на целое поместье Томлина тому худшее подтверждение. И это сейчас, не дожидаясь оттепели! Правда, если бы не оно, ни его, ни Пенни уже на свете не было бы...

Ночью, пока его мучили и не давали толком уснуть жгучие и ноющие боли по всему телу, Бокинфал вспоминал то, что ему когда-либо доводилось слышать о человеческих жертвоприношениях. Раньше подобные вещи всегда связывались разве что с шеважа. Мол, они таким образом празднуют победы над вабонами и заодно избавляются от обузы в виде пленников. Другого от дикарей и не ждали. Потом Бокинфал услышал слова о жертвоприношении из уст фра'нимана, которого они с Валбуром пришли убивать в отместку за Феллу. Следующим был Ахим, передавший им давеча рассказ чудом вернувшегося из лагеря венедда парня, который своими глазами видел, как те расправляются с его сотоварищами. И вот теперь Бокинфал сам оказался свидетелем и почти что участником подобной расправы, причём в роли дикарей или жестоких венедда выступали те, кого он раньше без зазрения совести мог бы назвать своими соплеменниками. Примечательно, что когда он очнулся после боя с таудами, закончившимся подлым ударом чем-то тяжёлым по затылку, и увидел, что привязан к странному столбовому сооружению, а бедная голая Пенни крутится на кресте перед полыхающим костром, он даже не удивился. Каким бы странным и неприятным не выглядел Ахим, как бы ни хотелось ему не верить, он в итоге оказался сокрушительно прав: чудовищные ибри существовали, они были среди вабонов, тупых и послушных, делающих вид, будто ничего не замечают. И они действовали. Те, с позволения сказать, люди, что собрались на поминки Томлина, своими длинными носами, вылупленным глазами, отвисшими нижними губами и горестными ухмылками отличались только потому, что нужда – не то горе, не то праздник – свела их в одном месте, но ведь в обычной жизни они были рассеяны среди остальных вабонов, служили купцами, теми же фра'ниманами да и мало ли кем ещё, однако взгляд непосвященного, видя их, отказывался их примечать. Они казались частью разноликой толпы. Нужно было оказаться в отчаянном поло-

жении, чтобы как следует разглядеть разницу. Тэвил, сколько же их? Что же теперь с нами со всеми будет?

Бокинфал поёжился и растёр затёкшие руки. Спросонья его накормили, дали выпить топлёного снега, и теперь ему всё сильнее хотелось по нужде. Хорошо хоть дали мало еды, так что с желанием отлить он готов ещё некоторое время побороться. А там, глядишь, их донесут до лесного лагеря.

Он поймал себя на мысли, что не боится. Окруженный извечными врагами, он принимал это как данность. Ужас был тогда, сперва перед лицом людей Симы, а потом у столба, когда ты беспомощен, предан и, чтобы выжить, вынужден убивать своих же братьев. Здесь его самого могли убить в любой момент и бросить куда-нибудь под куст, как лишний хлам, но он переживал только за Пенни, которую со своих носилок не видел и не слышал. Эта мысль не давала ему сомкнуть глаз, и он продолжал шуриться в проясняющееся голубое небо, по которому скользили хищные птицы, почувствовавшие скорую лёгкую добычу.

В какой-то момент ему вспомнился Ротрам, он не понял, почему, но образ вернулся, и Бокинфала зябко передёрнуло. Если поставить этого почтенного торговца оружием и содержателя их нынешнего виггер'гарда рядом с уродливыми образчиками ибри, его насмешливые и немного грустные глаза навывкате окажутся им сродни. Неужто это означает, что Ротрам тоже из их породы? Ведь глаза у него голубые, а не тёмные. Но при этом у него густые и выющиеся, хотя и седые нынче, волосы, а выдающееся брюшко вызывает некоторые сомнения в легендарной боевитости. Ихи хама маха хам, послышалась Бокинфалу фраза из выкрикиваемых Йеддой. Вот бы произнесли её перед Ротрамом и посмотреть, поймёт ли он сказанное!

Носилки прибавили ходу. Так обычно бывает в двух случаях: когда объявляются преследователи или когда до конечного места остаётся совсем ничего. Вот бы узнать, насколько далеко они теперь от Вайла'туна. Зимой быстрой ходьбе мешает снег, однако дикари должны были привыкнуть к нему. Иначе они не смогли бы охотиться и поспевать за добычей. Конечно, можно весь день просидеть в засаде и ждать появления оленя или кабана, но едва ли их на это хватит. Его знакомые охотники давно пользовались для таких случаев снегоступами, плетёнными рамками, которые надевались на подошвы сапог и позволяли ходить по снегу, почти не проваливаясь. Если дикари додумались до приручения огня, они не могли не подсмотреть и другие средства, которыми были вооружены их враги. Хотя, какая в этом всё теперь разница?

Важно, оставят ли их жить или поступят так, как всегда поступали с пленниками? Всегда ли? Откуда он взял, что их непременно убивали? Из рассказов других. Может быть, это такие же побасенки, как те, которыми их всех прикармливали раньше, когда считалось, что, кроме вабонов и шеважа, в Торлоне нет никого. Но тогда откуда же взялись эти венедда? Или про них забыли? А предок нынешнего лекаря из замка... как его... Мунго, который прибежал к ним позавчера и попросил побыстрее спуститься в подземелье, чтобы предотвратить кровопролитие? У Мали по легендам был такой же приплюснутый нос, курчавые чёрные волосы и гораздо более тёмная, нежели у его потомка, кожа. Вабоны такими не рождаются. Всё это означало лишь одно: Торлон гораздо шире и многообразнее, чем позволено думать. А что с того ему? А то, что его с Пенни судьбы ещё не предрешены, и есть вероятность, что злые языки ошибаются: их несут не убивать. Тогда куда же?

– Эй, Гури! Ты тут?

Какой же он неумный! Надо было и ему дать снотворных трав, чтобы он не беспокоил его понапрасну и лишний раз не возбуждал интерес носильщиков, прислушивающихся к их разговору. То, что Гел знает о его способностях, полбеде. Если они, эти способности, выделяют его из общей толпы, беда может прийти, откуда не ждёшь. Жители Леса привыкли быть подзрительными и не потерпят выскочек, если только этот выскочка не их вождь. А вождём Гури не быть это уж точно. Если только... если только Гел ни последует его вкрадчивому совету

стать вождём не просто Тикали, а всех объединённых кланов разом. Тогда нынешнее место его может освободиться. Только что толку: старейшины никогда не утвердят Гури. Он всегда вёл себя слишком независимо. А отлучки из стойбища по поводу и без, особенно последняя, отбрасывали на него тень подозрения.

– Что тебе надо?

– Это я хотел спросить тебя: зачем мы вам понадобились?

– Спи.

– Что ты заладил! Вы спасли нас, но зачем?

– Приняли за других.

– Что?!

– ... но пожалели и решили показать свом. Им решать.

– Кому? Твоему Гелу? Что он за человек? Что ему нужно?

– Нужно, нужно, нужно... спи.

– Сам спи! Как там Пенни?

– Бокинфал... где мы?

Это её голос! Она очнулась! Она жива!

– Пенни, как ты?!

– Мы умерли?

– Ещё нет. Нас спасли. Дикари. – Он осёкся на не слишком уместном сейчас слове. –

Шеважа. Мы в Пограничье. Не волнуйся, теперь всё будет хорошо.

– А что стало с теми... с Кадмоном, Анорой и... остальными?

– Была настоящая резня. И пожар. Я их не видел. Но точно знаю, что их мать убита. Ты помнишь, что произошло?

– Смутно. Помню холод. Я думала, тебя зарубили во дворе перед баней.

– Так оно и было. Почти. Сима натравил на меня своих псов.

– А его ты видел? Он мёртв?

– Не знаю. Эти шеважа перестреляли и перерезали всех, кто был на поминках. На самом деле это были никакие не поминки, а обычное жертвоприношение. Йедда хотела тебя заколоть.

– Йедда?

– Ты забыла? Она уже нож занесла. Когда кто-то из этих ребят решил проверить прочность её шеи. А я мог только смотреть и орать...

– Ты ни в чём не виноват. Это всё из-за меня. Но я не ожидала, что Сима...

– Не из-за тебя. И даже не из-за него. У меня тут было время подумать, и я пришёл к выводу, что Кадмон пригласил нас специально для этого. Либо он, либо его Анора почувствовали, что ты ещё девушка...

– Ты о чём?

– Я слышал про подобные жертвоприношения. Они любят использовать невинных девушек. Ты не обязана отвечать.

– У меня никого не было, – помолчав, призналась Пенни. – Но они ведь не могли этого знать.

– Вот я и говорю, что они как-то почувствовали. – Голос Бокинфала прозвучал почти радостно. – Они все оказались ибри. Как и предрекал Ахим. Неужели это он и называл твоим «подвигом»? Надеюсь, он тоже не догадывался о том, зачем нас пригласили. Потому что в противном случае, я не посмотрю на его преклонный возраст. Он жил при них, он не мог не знать их привычек. Если мы выкарабкаемся...

– Как ты?

– Что?

– Ты как? Тебя сильно ранили?

– Сойдёт. Эти шеважа, прежде чем снова меня связать, наложили на меня какие-то свои снадобья, так что сейчас мне больше всего хочется только сходить по нужде.

– Ты связан?

– А ты нет?

– Нет. На мне какие-то тёплые камни, меня спеленали, но при желании я могу высвободиться.

– Не нужно. Лежи и отдыхай. Тем более что нас тут кое-кто неплохо понимает.

– Кто? Ты о чём?

– Гури!

Он никогда не думал, что вабоны такие болтуны. Трещат, как будто не виделись с прошлой зимы.

– Чего тебе?

– Вот слышишь! Его зовут Гури. Он их предводитель и умеет разговаривать.

– Ты хотел сказать, умеет разговаривать на двух языках, Бок, – поправил тот пленника.

– Вот именно. Кстати, Пенни, у вас там в Обители случаем не изучают язык шеважа?

Она ответила молчанием. Да и что она могла сказать, ошарашенная услышанным. Их спасли от неминуемой смерти те, кого меньше всего можно было заподозрить в сочувствии. Спасли, чтобы снова взять в плен, предварительно вернув к жизни. Их не бросили в снег, их несут на руках. И их понимают!

– Пенни, ты где?

– Нет, не изучают... Гури, мы вам очень благодарны!

Только этого ещё не хватало! У девчонки соблазнительное тело и приятный голосок, и она ко всему прочему, похоже, совсем не боится. Если бы его самого сцапали илюли и тащили вот так же через Вайла'тун, он бы запросто наложил в штаны. А она, видите ли, благодарна! И не спрашивает, куда их несут и зачем. Представляю, сколько ей пришлось натерпеться, чтобы теперь просто радоваться жизни!

– Гури, мы ваши пленники?

И она туда же!

– Да.

Молчание. Только хруст снега да тяжёлое дыхание носильщиков. Надо бы ещё прибавить ходу.

– Откуда вы знаете наш язык?

– Моя мать – из ваших.

Сказал и сам не поверил, что сказал. Этого никто, кроме него, не знает и знать не должен. Соплеменники, идущие рядом, не поняли, конечно, но покосились неодобрительно. Одного непонятого им, Гела, они стерпят, а вот двое – это уже слишком для них. Особенно ухо остро нужно держать с Хоком, который не притрагивается к носилкам и идёт впереди. Когда-то они были друзьями. Но потом подросла Кеита, дочь Шагра, и Хок влюбился в неё. Её отец был очень влиятельным воином Тикали. Он пользовался расположением *Того, У Кого Нет Имени*, или как теперь его всё чаще называли, Немирда. И надо же было так случиться, что вместо того, чтобы ответить Хоку тем же, Кеита взяла и прониклась чувством к нему, Гури. Вероятно, именно потому, что он считал себя уже стариком, и не замечал её. У него когда-то были жена и дочь, но вабоны убили их во время одного из своих налётов, и он с той поры зарёкся заводить новую семью. Хок делился с ним переживаниями насчёт Кеиты, спрашивал дружеского совета, страдал, а она сперва играла с ним, потчевала обещаниями и в итоге бросила. Ради Гури. Который не стал делать из этого тайну от Хока и приобрёл в его лице скрытого врага. А как иначе? Кеита была молодой и страстной. Она не помнила его жены. Ей всё было внове. В конце концов, он сдался и подарил ей ребёнка. Который родился в первый день этой зимы. Шагра давно нет. Немирда тоже. Хок постарел, но едва ли Кеита отпустила его сердце. Он

ходит с Гури с одной стае, сражается так же зло и отчаянно, как и все, но молчит. Он ничего не забыл. И наверняка при случае пожалуется Гелу, что Гури слишком много проводит времени с пленниками.

– Как её зовут?

– Кого?

– Вы сказали, у вас есть мать.

– Да. Элета.

– Красивое имя. А как бы оно звучало на вашем языке?

– «Добрая»? Лити. – Носильщики подозрительно оглянулись на него, мол, кого это ты доброй назвал.

– Похоже.

– Слишком коротко, – донеслось из носилок Бокинфала.

– Мы любим короткие слова. Мы мало говорим.

– Дайте-ка угадаю! Если вас зовут Гури, то на нашем языке вы звались бы как? Эгори?

– Лежите и спите. Вам нужно набираться сил. Мы не будем всегда вас носить.

По его напряжённому голосу Пенни уловила, что он в самом деле не расположен разговаривать. Она больно уж обрадовалась своему воскрешению и тому, что отчаяние на кресте, когда хотелось поскорее умереть от холода и позора, сменилось надеждой на избавление. Лес был неприветлив, голоса тихо переговаривавшихся между собой дикарей звучали грубо, загадочный Гури увиливал от вопросов, однако то была упоительная передышка, и о будущем не хотелось думать.

Некоторое время она молча лежала, прислушиваясь к своему телу. От мороза по-прежнему болели пальцы на руках и ногах, грудь иногда что-то сжимало, и она заходилась коротким лающим кашлем, от которого на глаза наворачивались слёзы, однако всё это было наживным и поправимым по сравнению с тем, что могло бы случиться, не подоспей дикари. По её просьбе Бокинфал тихонько описал последние события в том страшном поместье, опустив, вероятно, некоторые подробности. Во всяком случае, теперь она знала, что Йедда была там главной, и что её больше нет. Как нет и поместья, сожженного нападавшими. Сейчас об этом, должно быть, уже знает весь Вайла'тун. Как говорится, дыма без огня не бывает. Если Руна благополучно вернулась в замок после переговоров и не обнаружила Пенни на месте, ей наверняка сообщили о том, куда отправилась её послушница. Теперь она либо сходит с ума среди трупов на пепелище, либо уже спешит по подземелью обратно в Обитель, чтобы посоветоваться с Корлис и решить, как сказать об этом бабушке. Надежда лишь на то, что Радэлла снова положится на свои ощущения и будет терпеливо ждать внучку обратно, раз её тело среди погибших так и не найдено. Она упрямая, ничего не берёт на веру. В смерть сына, отца Пенни, она поверила лишь тогда, когда дождалась возвращения отправившейся на ту заставу смены и получила в беспорное доказательство его разорванную стрелами и окровавленную рубаху, которую когда-то сама ему шила.

Вспомнив бабушку, её доброе лицо и мягкие, сильные руки, Пенни всплакнула, но слёзы быстро замерзали и охладили щеки, так что она поспешила отогнать грустные мысли прочь, окликнула Гури и, смущаясь, призналась, что ей очень нужен короткий привал. Бокинфал, до сих пор сдерживавшийся, горячо поддержал её. Гури не сразу понял, о чём она просит, а когда сообразил, долго размышлял, однако, в конце концов, что-то сказал своим людям, и те, дойдя до укромной поляны, неохотно остановились. Обе пары носилок прислонили к упавшему стволу сосны, что позволило пленникам впервые за долгое время сесть и увидеть не только небо, но и друг друга. Пенни показалась Бокинфалу очень бледной и измождённой, о чём он, разумеется, промолчал. Она же вслух ужаснулась его шрамам, один из которых запёкся прямо на левой щеке.

Оказалось, что их носилки не единственные. Двое дикарей поставили в стороне от них грубо связанное из подручных верёвок и веток подобие большой корзины, в которой лежал ворох одежды и оружия. Вероятно, они собрали всё это на месте боя и были вынуждены изловчиться и быстро соорудить некое вместилище, так как прихваченные из дома носилки заняли пленники. Пенни с волнением наблюдала, как Гури, оказавшийся здоровенным детской с рыжей копной волос, пошарил в куче тряпья, по всей видимости, снятого прямо с трупов, и бросил ей пару здоровенных мужских сапог. Только сейчас девочка заметила, что под согревавшими её шкурами она по-прежнему голая и босая. Гури прав: не пойдёт же она в соседние кусты прямо по снегу. Дикари смотрели, как она осторожно высовывает из-под шкур ноги и залезает в холодную обувь. Никто ей не помогал. Бокинфал попросил прощения, напомнив, что сам связан по рукам и ногам. Пенни старалась отшучиваться, но её шатало, и она чуть не упала, пока вставала, держась за ствол и одновременно пытаясь не потерять спасительные шкуры. Из-под которых при этом вывалились довольно увесистые булыжники. Их теплу она, судя по всему, и была обязана жизнью.

– Всё, делаем привал, – глядя на камни, распорядился Гури. – Потом наверстаем. Надо отдохнуть.

– Если ты устал, то можешь отдыхать, сколько хочешь, – прошепелявил Хок, продолжая стоять, опираясь на лук. – А нам надо возвращаться.

– Если хочешь возвращаться, – в тон ему ответил Гури, – тебя никто не держит. Тем более что ты совсем не устал, раз ничего не нёс.

– Твоих илюли я готов нести только на острие своего копья, – двусмысленно огрызнулся Хок и сплюнул.

Гури промолчал. Об их с Хоком отношениях в стае все прекрасно знали и благоразумно делали вид, что не обращают внимания. Теперь этому способствовала ещё и хорошенькая пленница, которая, хватаясь за ветки и придерживая норовившую свалиться с неё шкуру, неуверенными шагами, по глубокому снегу отходила в сторону, за ближайšie запарашённые кусты.

– Гури, скажи ей, чтобы не стеснялась и садилась прямо тут, – засмеялся один из носильщиков, молодой Фраки по имени Руж. Из клана Фраки их в стае было трое: Руж, его брат Трош и Цэрн, которого Гури в особых случаях тоже предпочитал Тикали за его выносливость и силу. Обычно смешанные стаи оставались редкостью, каждый предпочитал, чтобы спину ему защищал сородич, но у Гури был на это свой взгляд, и Гел его поддерживал. – Уж больно охота посмотреть, что у неё там внутри.

Пенни, поняв, что смех относится к ней, страдальчески оглянулась. Гури махнул ей рукой, мол, давай, не затягивай.

– Руж дело говорит, – согласился Цэрн, ковыряясь в зубах. – А то ща как хоп, и сбежит.

– От тебя что ли сбежит?

– Не, от меня не сбежит.

– Ну а тогда чего переживаешь? Пойди-ка лучше хворосту собери. А ты бы, Руж, чем рожки корчить, занялся бы её камнями. Они девчонку, похоже, неплохо отогрели, так что я бы повторил.

– Может, лучше я её сам отогрею? – предложил Руж, но послушно встал и начал подбирать булыжники.

Краем глаза Гури наблюдал за Пенни. Она сидела за кустом и жалобно постанывала, так что ни о каком побеге и речи быть не могло. Лишь бы не примёрзла или в обморок от слабости не грохнулась.

– Я сейчас тоже лопну, – напомнил о себе Бокинфал. Он сидел в носилках спиной к происходящему, однако ярко представлял себе Пенни и чувствовал, что теряет способность сдерживаться.

– Сначала она, потом ты, – буркнул Гури.

– Не дотерплю!

– Зили! Беск! Развяжите пленника.

Эти были не разлей вода и слушались Гури, всё равно что родного отца, беспрекословно. Хок терпеть их за это не мог и сейчас даже отвернулся. Напряжён, того и гляди сорвётся с места и умчит вперёд. Если бы не его меткий лук, Гури никогда бы не брал Хока с собой. В следующий раз, наверное, так и поступит. Его поймут.

Беск наклонился, чтобы подцепить путы на ногах раненого илюли острым лезвием, но Зили остановил его. Он осторожно разрезал верёвку возле самого узла, чтобы ею можно было воспользоваться повторно. Зили не терпел суеты и всё делал обстоятельно. Беск одобряюще кивнул. Пленник терпеливо выждал, пока ему освободят ноги, и с наслаждением их вытянул и побрыкался, разгоняя кровь. Протянул связанные руки. Зили глянул на Гури. Тот помотал головой, указывая взглядом на девушку, которая только-только поднялась с корточек и отправлялась в обратный путь к носилкам. Освобождать обоих одновременно не стоило. Никто толком не знал, насколько они слабы и покорны обстоятельствам. За день уже было пройдено немало, так что все устали, и никому не хотелось пускаться в погоню. Да и Хок всем своим видом показывал, что не станет церемониться и догонит любого беглеца беззвучной стрелой.

Пенни вернулась на место и послушно легла в носилки, запахнувшись шкурой. Гури снял с неё сапоги и велел подогнуть ноги, чтобы заново её укутать. Подошёл Руж с разогретыми камнями. Им удалось лишний раз полюбоваться голым боком её изящного тельца, однако оба напустили на себя деловитость и не стали смущать девушку. Совсем ещё девочка, думал Гури, имея в виду её гладкую белую кожу. Он собственноручно закатал Пенни в шкуру до самого подбородка, а Руж то и дело подкладывал камни.

Тем временем Бокинфал под неусыпным присмотром обоих приятелей с наслаждением справил нужду за другим кустом, кое-как вытерся снегом и встал, завязывая тесьму на штанах. Замерзшие пальцы не слушались, но он радостно улыбался, впервые за долгое время чувствуя себя почти свободным, если бы не грубые верёвки на руках. Думал ли он о побеге? Разумеется. Смог бы? Развяжи они ему запястья, вероятно, он сумел бы справиться с обоими их же оружием, а потом – уж как получится. Но ничего подобного ему сейчас делать почему-то не хотелось. Ну, то есть, известно почему. У них в плену осталась бы его Пенни. Её он покинуть не мог. Если им угрожает опасность, то пусть угрожает обоим. Так проще и есть хоть какая-то надежда. Тем более что пока дикари вели себя вполне смирно и можно даже сказать вежливо. Буквально на руках носили, усмехнулся он своим мыслям, глядя, как ему снова связывают ноги. На сей раз по-другому, не плотно щиколотка к щиколотке, а с зазором шириной в два пальца, что было гораздо удобнее и почти не натирало.

Когда оба пленника заняли причитавшиеся им места в носилках, Гури с ножа угостил их жареными на костре кусками мяса, дал запить топлёным снегом с добавлением сушёной травы-бодрины, придававшей сил и выносливости, и велел своим людям идти дальше. Они возвращались по собственным следам, однажды пройденной через сугробы тропой, только теперь им мешал лишний груз. Зато шедший впереди Хок торил снег проще, с охоткой, предвкушая, вероятно, долгожданный отдых среди родных костров.

Гури тоже думал о доме. О красавице Кеите, которая ждала его сейчас, укачивая в мягкой люльке сынишку, о предстоящем разговоре с Гелом насчёт дальнейшей судьбы пленников и не найденных беглецов, о скором заходе солнца, предвещавшем вторую ночёвку, если они не поспешат, и о матери. Он не видел её уже долго, непозволительно долго. Она жила в туне карлика Тэрла, его, если можно так сказать, друга, с которым они давным-давно вместе обучались боевому ремеслу. Было это здесь, в Лесу, но как будто бы в совсем другой жизни. Мать, Тэрл, Лес, Учитель... Он кого-то забыл. Или не хотел вспоминать. Почему он вообще об этом подумал? Обычно с ним редко такое происходит. Но уж если происходит, то...

– Ложись! – крикнул он, и сам сделал короткий прыжок вправо, проваливаясь в снег боком.

Падая, он видел, что его внезапный приказ никого не застал врасплох. На тропе остались лежать лишь брошенные носилки с пленниками.

Что это было? Мнимая опасность? Озарение? Старость?..

В Лесу стояла тишина. Даже испуганные пленники молчали, настороженно прислушиваясь.

Убедившись, что никого из стаи с земли не видно, Гури поднял глаза на деревья. Выждал, не упадёт ли с какой-нибудь ветки потревоженный кем-то снег. Даже некоторые илюли умели неплохо передвигаться по деревьям. Не говоря уж о воинах не примкнувших к Тикали кланов. Но нет, казалось, даже белки затаили дыхание, боясь пошевелиться.

– Я тебя вижу, – громко сказал он на кен'шо. – Выходи! Я не назову тебя по имени, и ты понимаешь, почему.

– Ты меня не видишь, – ответил голос совсем рядом.

Гури крутанулся на другой бок и только сейчас заметил притаившегося за толстым стволом сосны человека. Вернее, человек позволил себя заметить. Даже зимой он оставался таким же: широкополая соломенная шляпа, две длинные косы, чёрный металлический панцирь на груди и такая же рукавица на левой руке, красноперые стрелы в колчане за спиной, короткие, в палец толщиной, лук из оленьего рога и орешника, за поясом – топорик. Опирается на длинный шест. Вот кого он почти забыл и вспомнил только сейчас.

– Скажи своим людям, чтобы шли дальше одни. Надо поговорить.

Спорить не приходилось.

– Всё в порядке. Идите вперёд. Я нагоню. Хок за старшего.

Снег ожил, воины поднялись, оглядываясь и не видя, с кем он там разговаривает, подобрали носилки и захрустели прочь, явно раздосадованные и обиженные. На него. Не догадываясь даже, что он только что спас им всем жизни.

– Что тебе снова нужно? – Он остался сидеть на снегу, спиной к дереву. – Ты нашёл убийц Учителя?

– Отца убили не Тикали. И не Олди.

– Это я понял, потому что все по-прежнему живы.

– Но ты в прошлый раз зародил во мне правильное сомнение, Гури. – Рука тяжело легла ему на плечо. Снег не выдал его приближения. – Это были те, кого вы называете илюли.

– Как ты узнал?

– Просто. Оделся одним из них. Пришёл к ним. Искал. Нашёл место, где они меняются товаром. – Собеседник сел рядом. – Там были вещи из нашего дома... – Он прислушался, наверное, к собственным мыслям. – Продавец не знал общего языка. Тот, который он знал, я ему на прощанье отрезал. Вот. – Он извлёк из-за пазухи пару знакомых палочек с витиеватым резным узором у более широких концов. Учитель имел обыкновение этими палочками есть. – Они там думали, что ими можно бить по струнам или бубнам и извлекать звуки.

– Я тоже так подумал, когда впервые их увидел. Учитель, помнится, смеялся.

– Отец любил смеяться над твоими шутками. Дурацкими, на мой вкус.

– Продавец только продавал украденное. Кто ему их передал, ты выяснил?

– Я просидел у него два дня. Ждал, когда спохватятся и придут выяснять, где он пропадает. У него была жена и дочь.

– Ты и их...

– Нет. – В голосе послышалось сожаление. – Связал и кормил, чтобы не померли. Они тоже не знали общего. Но я не убиваю детей. На второй день пришли люди. Трое. Один меня в конце концов понял. Сказал, что простой охранник. А его хозяин уже захлебнулся своей

кровью и лежал неподалёку. Этому хозяину и принесли их на продажу илюли, которые вернулись из леса. Охранник их даже описал, но для меня они все на одно лицо, как и вы.

– Это я уже когда-то слышал. И что дальше?

– А дальше я вернулся туда, где илюли торговали. Вместе с охранником. Потому что не поверил ему. Простые охранники на общем не говорят. Так я решил и оказался прав.

– Похоже, ты искал что-то особенное.

– В прошлый раз мы не договорили. У моего отца была карта. Ты знаешь, что такое «карта»?

– Нет, – признался Гури, хотя слово это когда-то слышал.

– Это когда всё, что ты видишь вокруг себя и не видишь, нарисовано на одном куске чего-нибудь, скажем, кожи, и ты можешь по этому рисунку узнать дорогу.

– Полезная вещь.

– Такая карта была у моего отца. Он привёз её из своего далёкого дома. Оттуда, где живёт мой род, мои люди. Понимаешь? Я давно решил вернуться туда. Здесь у меня нет ничего, даже отца. И эту карту украли вместе с остальным. Я поклялся её найти.

– Тот охранник тебе помог?

Гури прекрасно знал манеру своего собеседника никогда сразу не говорить о главном. Он напоминал ему охотника, который, вместо того, чтобы вынуть добычу из силка, ложится подальше и начинает медленно подтягивать силок к себе. Тикали всегда говорили коротко и по делу. Даже песни у них состояли из нескольких слов, которые выпевались на разный лад в зависимости от настроения. Никаких долгих рассказов.

– Он был не охранником. Тоже торговал. Но только не всякой всячиной, а рукописями. Тебе объяснить, что это такое?

– Запись происходящего.

– Правильно. Их скручивают в трубки. Точно так же, как была скручена карта. Легко спутать. Этот торговец знал больше, чем говорил. Но мне он сказал всё. Как к нему пришёл воин, вернувшийся из леса, и предложил купить всякой всячины. Как он отправил его к своему приятелю, которого я и встретил первым на торгах. А себе взял только ту карту. Он её вспомнил. Я почти не настаивал. Ломал ему медленно пальцы и смотрел, как он плачет. Мужчины не должны плакать. Он сказал, что карты у него теперь нет, потому что её забрали. Когда мы закончили, я проверил, но так у него ничего и не нашел. Вероятно, не соврал, когда говорил, что её у него забрали.

– И кто же?

– Я не убил его, пока не дослушал его рассказ до конца. Оказалось, что из-за этой карты его уже один раз пытали. Я не понял всего, что он мямлил, но понял главное – она цела. И теперь принадлежит кому-то богатому, кто владеет многими такими торговцами, как мой теперь мёртвый знакомый. Ты знаешь, что значит «богатый», Гури?

– У которого много того, что нужно другим.

– И вот таких богатых я стал искать. И знаешь, их у илюли не так уж много. Их можно распознать по размеру дома. Или по количеству таких домов. Понимаешь, к чему я клоню?

– Пока нет.

– А пора бы! – Он говорил тихо, но всё более угрожающе. – Я много потратил времени на поиски. Обзавёлся их одеждой, вынужден был ходить, как они, даже волосы прятал под мехом. Несколько раз на меня обращали внимание их вояки, и я с ними говорил на языке леса.

– Оружием?

– Оружием. Совсем недавно я нашёл дом самого богатого человека и ждал случая, чтобы туда проникнуть. Понял теперь?

– Нет.

– Потому что ты этот дом сжёг! – От ярости через стиснутые зубы полетели слюни. – Сжёг! Вместе с картой! Я добрался до него, когда там уже всё закончилось. Илюли побоялись броситься за вами в погоню. А я бросился!

Гури поморщился, но сохранил вид полной невозмутимости.

– Я не знал, что там какая-то карта...

– Да, ты не знал!

– И ты не знаешь.

– Что?! – Лицо собеседника впервые выразило чувство, отличное от злобы и досады. – Что ты сказал?

– Ты тоже не знаешь. Её могло не быть в доме.

– Но...

– Самый богатый не значит «тот самый». С чего ты взял, что хозяин того дома, тех домов, захватил твою карту?

– Он владеет торгом.

– Один? Ты в этом уверен? Ты был у илюли, ты видел, сколько там народу. Никогда не поверю, что богатых из них всего один. Я на этом торге не был, но слышал про него. Уверен, там тоже много хозяев.

– Значит...

– Ты правильно сделал, что нагнал нас, Дэс'кари Сину. Может быть, я смогу тебе помочь.

– Как? Сожжёшь лес? У тебя это хорошо получается.

– Мы захватили пленников. Илюли хотели их убить, принести в жертву. Мои люди обращаются с ними хорошо. Можно задать твой вопрос им. Раз они были в доме самого богатого илюли, может, они кое-что знают про него? Или даже слишком много, за что от них и хотели избавиться. В память об Учителе я готов помочь тебе.

– Отец тебя видит. – Дэс'кари Сину склонил шляпу, скрыв лицо. – Веди меня к ним.

Гури устремился вдогонку за остальными. Снежная тропа была уже настолько хорошо утоптана, что ноги почти не проваливались. Его спутник не отставал. Гури заметил, что у того на ногах не обычные плетёные снегоступы, а более вытянутые, с загнутыми кверху мысками, выточенные из сплошных кусков дерева. Он узнал снегоступы Учителя. Дэс'кари Сину не столько бежал на них, сколько скользил, отталкиваясь шестом. Хотя он легко мог бы обогнать Гури, тот не стал пропускать его вперёд: обращение спиной свидетельствовало в Лесу о полном доверии к тому, кто идёт сзади.

– Ты слышал, что у илюли началась война? – спросил Дэс'кари Сину.

– С чего ты взял?

– По ту сторону домов стоит большое войско. Не знаю, откуда они. Никогда таких не видел. Как пришли, попытались сразу напасть, но их отбили. Теперь собирают силы для нового броска. Войско большое, сильное. Я с трудом положил троих, когда шёл искать, где живёт богатый.

– Ты сражался с ними? – удивился Гури. – Снова за илюли? Может, тебе пора найти у них жену и остаться навсегда?

– Если твои родичи хотят покончить с илюли, – продолжал Дэс'кари Сину, пропустив насмешливое замечание, – сейчас самое время.

– Мы подумаем над твоими словами.

– Но потом вам придётся иметь дело с теми, пришлыми. Они сильнее.

– Я понял.

Они перемахнули через несколько поваленных деревьев, поднялись на пологий холм, сплошь покрытый заснеженными кустами, и спустились в овраг, который закатное солнце превратило в одну длинную тень. Отсюда до нынешнего стойбища Тикали оставалось не так уж далеко, и вторая ночёвка едва ли понадобится. Хок её наверняка не перенесёт.

Гури почти забыл о своём спутнике, предавшись приятным размышлениям о предстоящей встрече с женой и сыном, когда тишину зимнего Леса прорезал крик. Душераздирающий и жалобный. Ему вторил протяжный вой, который любой илюли, не задумываясь, принял бы за волчий. Но это были не волки. Волки не воют, когда нападают на жертву.

Оглянувшись на Дэс'кари Сину, он увидел, что тот уже взбегает на противоположный склон и делает знаки, чтобы Гури двинулся дальше один. Бросает меня, мелькнула шальная мысль, однако он тут же вспомнил, что Учитель заповедовал им никогда не нападать на врага вместе. Особенно, если у врага были превосходящие силы. Дэс'кари Сину не мог уйти просто так. Жестокая схватка была его родной стихией. Особенно та, в которой один из двоих должен был погибнуть. Или двое из троих. Или девять из десяти...

Взметая снежную пыль, Гури рванулся вперед с удвоенной силой, на ходу вкладывая стрелу в тугую дугу лука и по привычке сжимая ещё две зубами. Зачем он позволил своей стае идти дальше без него? Проходя этим оврагом в первый раз они ведь все обратили внимание на силки, которые оставили охотники из клана Вулчаки. Трош тогда ещё удивился, что здесь делают эти трусливые девки. Вулчаки издавна снискали дурную славу среди обитателей Леса там, что предпочли уйти как можно дальше от ближайших домов илюли и таким образом попытаться спасти свой клан от полного вымирания. Вместо того, чтобы, наоборот, вступить в союз с кем угодно и тем самым дать возможность молодому поколению изменить свою незавидную судьбу. Так глупо могли поступить только женщины. Собственно, Вулчаки и были женщинами. Волчицами, как они сами себя прозвали. Появившимися на свет совсем недавно, в пору юности Гури. По сути, то был не настоящий клан, а сборище женского отребья из многих кланов. Их родоначальница, первая жена Немирда по имени Аака, говорят, была ещё жива. Он-то, Немирд, и стал невольной причиной появления в Лесу этого странного народца, когда обозлился на Ааку за то, что та отказывалась рожать ему сына. В дочерях никто из Тикали не видел ничего плохого при условии, что первым или хотя бы вторым рождался сын. Аака родила Немирду двух дочерей. И заявила, что с неё хватит. Немирд был вождём и не мог стерпеть подобного унижения. Гури помнил тот день, когда Лес огласился боем барабанов, возвещавших Великий Сбор. На глазах у поражённых сородичей, среди которых был и Гури, Немирд исполнил танец Одинокого Охотника и воззвал к духам деревьев, призывая принять от него в дар непокорную Ааку. Обычно ссора между мужем и женой, бессильной родить сына или родить вообще, заканчивалась праздником выбора второй жены, более молодой и сговорчивой, однако Немирд не только отказался оставить Ааку при себе, но отлучил её от Тикали. А она в отместку не только ушла, но и забрала с собой обеих дочерей, одну из которых повела за руку, а вторая в это время спала у неё в сумке за спиной. Гури очень отчетливо запечатлел в памяти эту жалкую троицу и часто вспоминал её впоследствии, когда до него доходили очередные слухи об удивительных свершениях Ааки. Каким-то образом о её уходе прознали другие кланы. А когда прознали, некоторые женщины, сделанные вторыми или третьими жёнами, не простясь с мужьями, стали по её примеру покидать стойбища и присоединяться к ней. Теперь, спустя более эку-нош² зим с того злополучного дня, клан, назвавший себя по имени самого хитрого и жестокого зверя Леса, превратился грозную силу, опасную не только своей ненавистью к остальным, но и особыми повадками. Ими, как считали многие, двигал по большей части страх. Судить об этом можно было хотя бы по тому, что они сразу постарались отгородиться от бывших соплеменников несколькими днями пути, непроходимыми болотами, оврагами и неприветливыми скалами, прорезавшими в одном месте Лес неприступной грядой каменных игл. Проведя там немало зим в полном одиночестве и окрепнув, они постепенно начали устраивать вылазки, целью которых, как оказалось, были покинутые ими в своё время мужчины. Не все, но те, что могли дать им детей. Они нападали исподтишка, хуже илюли,

---

² Тридцать

и убивали всех, кто не был им нужен: женщин, детей, стариков. Несколько молодых воинов щадили и либо забирали с собой, либо использовали их по прямому назначению, не сходя с места, среди трупов и разгрома. После чего тоже приканчивали, унося их семя в себе. Тикали и некоторые другие кланы неоднократно посылали на их поиски целые стаи, но стаи то пропадали, то возвращались ни с чем. Скалы, овраги и болота надёжно хранили волчиц. Сам Гури никогда прежде с ними не сталкивался, однако был наслышан об их отчаянности и беспощадности, лишённой благородства тех, кто действует не из страха, а по необходимости.

За изгибом оврага тень от склона укорачивалась, и поле битвы стало хорошо видно. Как и опасался Гури, Вулчаки напали на его стаю сверху, с выгодной высоты, позволившей им сделать по нескольку точных выстрелов из луков и таким образом ещё больше сократить ряды противников в свою пользу. Он увидел лежавшие на снегу тела сотоварищей с торчащими из груди и боков стрелами, брошенные носилки с не то мёртвыми, не то пока живыми пленниками, и юркнул за кусты на левом склоне. Правый оставался на совести Дэс'кари Сину. Гури бежал по снегу пригнувшись, натянув тетиву лука к животу и готовый отпустить её в тот миг, как обнаружит первую волчицу. По крикам, доносящимся из оврага, он заключил, что выжившие остатки его стаи рассредоточились по склонам и вступили в рукопашный бой. Но раз Вулчаки не побоялись показать клыки и когти, значит, у них изначально уже был подавляющий перевес. В два, в три раза? В любом случае, часть их наверняка затаилась где-то здесь и следит за исходом поединков, чтобы добить нежеланных победителей.

Чутьё его не подвело.

Первую волчицу он заметил со спины и в эту спину, не раздумывая, выстрелил. Выплюнул новую стрелу в руку, уложил на лук, увидел выглянувшую из-за куста голову с характерной высокой огненно-рыжей причёской, и послал ей быструю смерть, тоже не целясь. Ему показалось, что он слышит хруст черепа, пробитого возле виска. И не удивился, поскольку в такие моменты все его ощущения обострялись, и он словно переставал существовать в этом явном мире. Даже для себя, для своего тела. Казалось, за него действует кто-то другой, кто-то вовне, кто видит происходящее со стороны, кто думает, не думая, и действует, не прилагая усилий.

Ещё одну волчицу он сбил с ветки склонившегося над оврагом дерева. Она успела крикнуть и её падение привлекло внимание подруг. Кусты вокруг Гури ожили. Он метнулся в сторону, и почти одновременно выпущенные стрелы просвистели у него за затылком. В ответ он выпустил две подряд, наугад, но удачно, потому что два куста больше не шелохнулись, а по остальным, бросив ставших ненужным лук, он пронесся в двойном вихре топора и кинжала, так что какое-то сопротивление оказали лишь три последние противницы. Одна даже показалась ему хорошенькой, но он изуродовал её лицо гримасой боли, когда рассёк горло и отрубил вскинутую с мечом тонкую кисть.

В итоге в первой засаде Гури насчитал восемь волчиц. Когда с ними было покончено, он подхватил лук и последовал примеру Дэс'кари Сину, взобравшись на вершину склона. Отсюда он увидел, что сам Дэс'кари Сину опередил его: широкополая шляпа уже перестала порхать по кустам, кружила в смертельном танце на дне оврага и оттягивала на себя всё новых волчиц. Которые ещё не поняли, что нужно не нападать и даже не сопротивляться, а бросать всё и спасаться бегством.

Гури помог им в этом. Со второй засадой он справился ещё быстрее, чем с первой. Удивился тому, что убивать женщин ему доставляет некоторое удовольствие. Вероятно, в силу новизны ощущений. Мелькнула мысль, что, вспарывая живот одной, он тем самым уничтожает разом несколько, ещё не рожденных, врагов. Мужчины обычно умирали молча, стиснув зубы. Эти же ругались и яростно визжали. Если успевали.

Одну, как ему показалось, самую старую, он умышленно упустил, и она, отбежав на четвереньках на безопасное расстояние, остановилась и завывала так, что её слышал весь овраг. Так что последние Вулчаки уже просто бежали вверх по склону, иногда прямо навстречу его

топору, не думая больше об охоте, в панике, не разбирая дороги. Все, кто попытался миновать его на расстоянии вытянутых рук, остались лежать там, где он их встретил. Лишь одна осмелилась проститься с ним стрелой, но споткнулась, пронзённая в спину из лука Хока, который вдвоём с Цэрном оказался у беглянок в хвосте. Оба были окровавлены и, скорее всего, ранены, однако держались на ногах и смотрели на Гури с удивлённым уважением. Он ведь редко позволял себе танцевать с врагами в полную силу, как сейчас. Ему никогда не нравилось привлекать к себе излишнее внимание.

– Надеюсь, мы тебе не помешали, – только и смог сказать Хок, а Цэрн размазал по лицу кровь и улыбнулся.

Внизу оврага он встретили Троша и Зили. Трош сидел над телом убитого брата. Их шеи Ружа торчало две стрелы.

– Они не дали ему защититься, – выдавил Трош, обламывая наконечники и вытягивая стрелы. – Подстрелили, как зайца...

– Нет, он не бежал, – напомнил Зили. – А ты отомстил за него.

Гури осмотрелся. Дэс'кари Сину стоял на почтительном расстоянии, за кустом, и ждал. Махнув ему рукой, Гури побежал к брошенным носилкам. Одни лежали неподвижно, вторые дёргались, но из них торчала стрела. Он первым делом открыл последние.

Связанный Бокинфал был бледен и морщился от боли. Стрела попала ему в ногу, похоже, неопасно, в мякоть икры. Крови было немного. Неприятно, но жизнь вне опасности. Тот и сам это понимал, потому что сразу же спросил, как там с Пенни.

Когда они с Дэс'кари Сину заглянули во вторые носилки, сперва им показалось, что она мертва. Девушка лежала на боку, прикрыв веки, и не подавала признаков жизни. Только когда окровавленные пальцы Дэс'кари Сину отняли край шкуры и прижались к шее, ища пульс, ресницы ожили, она распахнула глаза и вопросительно уставилась на Гури.

– Это ведь не были вабоны? – спросила она. Потом её взгляд упал на затенённое краем шляпы лицо Дэс'кари Сину. – Это не ди... не шеважа.

– Нет, он не из наших, но он друг. – Гури оглянулся на Бокинфала и утвердительно кивнул. – Ты можешь идти сама?

– Могу, – неуверенно согласилась Пенни, вспоминая свою не слишком приятную попытку на последнем привале. – Только мне бы одеться...

– Теперь одежды много, – заверил её Гури, указывая на дно и склоны оврага.

Пенни присмотрелась и увидела не одну дюжину лежащих в самых причудливых позах тел с рыжими головами. У некоторых головы лежали рядом с телами. Судя по странным высоким причёсками и небольшому росту, они все были женщинами.

– Кто это? – поразились она.

– Волчицы. Долгая история.

– Так вы тоже воюете друг с другом?!

– Иначе было бы слишком просто, – ответил Гури и посмотрел на странного мужчину в причудливой шляпе. – Можешь пока расспросить её. Она понимает общий. А я подберу ей одежду.

Мужчина разглядывал Пенни. В нём странным было всё, но особенно глаза, спокойные и холодные, а главное – узкие, как две щёлки. Ей даже сперва показалось, что он жмурится.

– Я ищу карту, – сказал он с незнакомым выговором. Пенни мало приходилось говорить на кенсае, она только недавно начала его учить, однако ни Руна, ни Везник, ни Гури не проносили слова так отрывисто и с таким цоканьем на конце каждого слова. – Ты была в том доме. Ты видела карту?

– Какую карту?

– Свиток. На нём рисунок. Можно найти реку, лес, горы. Карта моего отца.

– Нет, не видела.

– А тот? – Шляпа повернулась в сторону Бокинфала, который сидел на носилках и со стопами пытался извлечь из ноги стрелу. Руки у него были по-прежнему связаны.

– Кажется, нам второй раз повезло, – крикнула она ему. Бокинфал пожал плечами и изобразил улыбку.

– Если ногу не потеряю, то можно считать, что да.

– Он спрашивает, не видели ли мы в доме Кадмона какую-то карту, на которой изображён Торлон.

Узкоглазый напряженно прислушивался к звукам чужой речи.

– Скажи ему, что нет. – Бокинфал сумел наконец переломить древко и потянул за оперенье. – Аааа! Тэвил! Как же больно! – И закончил почти буднично: – Обычно карты бывают в другом месте.

Пенни перевела. Теперь узкоглазый внимательно следил за действиями Бокинфала и ждал пояснений. Только желваки на широких скулах выдавали его напряжение.

– Уточни, пожалуйста, свою мысль, – поторопила Пенни. – Мне кажется, он нервничает.

– Сочувствую, но в нём нет ни одной дырки от стрелы. Мммм..., больно!

– Если ты ещё не понял, они на пару с Гури нас спасли.

– Да уж вижу. Доблестно перебили кучу рыжих девиц. Если бы меня не связали, как тушку, втроём мы бы справились быстрее.

– Что ты хотел сказать про «другое место»?

– Ладно, передай ему, что если он хочет глянуть на старые карты, то ему придётся пробраться непосредственно в замок и спросить главного писаря, то бишь Скелли. Добавь, что гвардейцев там побольше, чем этих девиц. Пара писарей тоже неплохо владеет оружием. Сам Скелли честно за свои карты и рукописи сражаться не будет, но спиной к нему всё равно лучше не поворачиваться – при нём всегда отравленный нож. И пожелай от меня успеха.

Когда Пенни перевела эти слова, глаза человека в шляпе сделались совсем узкими, он сверкнул ими на Бокинфала так, словно готов был вот-вот на него накинуться, однако вместо этого он в следующее мгновение просиял и крикнул Гури, возвращавшемуся в обнимку с ворохом одежды:

– Я не пойду с вами дальше. Теперь я знаю, где может быть карта. Прощай!

И, не дожидаясь ответа, заскользил размашистым шагом прочь по оврагу, то и дело подталкивая себя шестом.

– Куда вы его? – поинтересовался Гури, ничуть не удивляясь подобной скоротечности их нынешней встречи. – Вот, одевайся. Тут есть, из чего выбрать.

– Твой странный друг, – пояснил Бокинфал, – решил, что сможет в одиночку взять штурмом замок и завладеть его сокровищами. Кстати, там у тебя не найдётся тряпки перевязать мою многострадальную ногу.

Гури вытащил из-под вороха меховых шуб, безрукавок, юбок и штанов широкий мелко плетеный пояс и кинул ему.

– Я и забыл, что вы не умеете ткать, – усмехнулся Бокинфал.

– Умеем. Нам просто некогда, – ответил Гури.

Бокинфал расхохотался, чем немало поразил собиравшихся в дальнейший путь дикарей.

– А что до твоего замка, – продолжил Гури, – то я бы не завидовал тем, кто захочет помешать моему странному другу добыть то, что он хочет.

Только сейчас Пенни сообразила, что не увидела на человеке в шляпе никаких ран или хотя бы просто порезов. Только чужую кровь на руках. Много крови. При этом она собственными глазами видела, как на него набрасывались буквально стаи разъярённых воительниц с мечами и луками наперевес. Теперь они все лежали там, где их нашёл его... нет, не меч, не топор и даже не нож, а невзрачный шест, такой с виду примитивный и безобидный.

Гури тоже не выглядел измождённым или раненым. Но эта одежда...

– Вы сняли её прямо с них?

– Они сняли шкуры с животных, я снял шкуры с них. Какая тебе разница? Одевайся в то, что есть. Ты можешь идти, а у меня осталось мало людей, чтобы тебя нести.

– Отвернитесь.

– Сама распутайся?

Положение у девушки было незавидное.

– Нет, помогите.

Он наклонился, развернул её тёплый кокон и снова выпрямился.

– Дальше давай сама.

И пошёл, не оглядываясь, к своим, занятым сооружением чего-то в виде волокуш. По всей видимости, они не хотели оставлять мёртвых товарищей на съедение настоящим волкам и намеревались тащить их до дома. Свободных рук больше не осталось. Бокинфала они ещё готовы нести, но лишь затем, чтобы не дать ему убежать.

Дрожа от холода, она скинула с себя последнее и стала быстро натягивать чьи-то толстые штаны. В ворохе принесённой ей одежды было что-то и вроде нижних юбок, однако она не могла заставить себя надеть их, живо представив себе, что они только что согревали чьё-то грязное тело. Слишком брезговать не приходилось, всё это Гури снял с трупов, но то, что соприкасалось с их укромными местами... нет, бабушка бы это наверняка не одобрила.

Пенни старалась не замечать любопытных взглядов мужчин. Когда холодные штаны были надеты и зашнурованы на поясе, она встала на шкуры и первым делом подобрала подходящую обувь. В тех мужских сапожищах, в которых она недавно справляла нужду, она не прошла бы и ста шагов. Босые ноги мёрзли. Голая спина тоже. Соски сморщились до боли. Кто-то из дикарей что-то сказал, и остальные заржали. Нет, чтобы мёртвыми заниматься! Пенни так замёрзла, что подумала о стыде, лишь когда просунула руки в затвердевшую на холоде безрукавку, а поверх неё надела мехом внутрь длинную шубу и впервые ощутила подобие тепла. А ещё запах чужого пота и страха.

Ноги, ноги! Куда спрятать ноги?

Большого выбора Гури ей не предоставил. Дикарки явно не утруждали себя заботами о внешнем виде, и носили всё одинаковое: грубо сшитые из лоскутов кожи высокие сапоги на меху. Одни были малы, в других что-то хлопало, вероятно, кровь, но они пришлись в пору, и Пенни не стала привередничать.

– Красиво! – похвалил её Бокинфал.

Заматывая ногу, он всё это время наблюдал за ней!

– Тебе помочь? – предложила она, пропуская замечание мимо ушей и натягивая рваные варежки.

– Пристрелить ты меня не сможешь, а больше мне помочь нечем.

– Что, так болит?

– Уж как-нибудь переживу.

– Мы уходим! – Гури подошёл, глянул на ногу пленника и подозвал двоих носильщиков, не тех, что были прежде.

Пенни он протянул лук с порванной тетивой, чтобы на него опираться, и велел надеть снегоступы. У женщин они оказались точно такими же, как и у его воинов. Пенни ходила в таких когда-то в детстве, но успела отвыкнуть. Присев на корточки, как могла, привязала к сапогам. Жилы вели себя на морозе не лучшим образом, так что одна подвязка порвалась, но оставшейся, рассудила девочка, должно было хватить.

Когда они тронулись дальше, стало уже совсем темно. Сооружать факелы дикари либо не умели, либо ленились. Либо их зрение было гораздо сильнее, чем у Пенни, которая шла в основном на мерцающий свет посуды, служившей им для переноски огня. Наверняка, если бы она задумала бежать, всякую её попытку пресекли бы на корню. Снег похрустывал

и с обеих сторон, и сзади. Хотя о бегстве она даже не помышляла. Поймала себя на мысли, что если бы оказалась тут ночью совсем одна, боялась бы повстречать дикарей. А теперь они вокруг неё – и чего ей, спрашивается, больше бояться? Самое страшное уже позади. Осталось лишь ждать развязки. И брести, неведомо куда и зачем.

Раз её нынешние спутники уверенно идут, невзирая на темень, видать, их избы, или чем там они пользуются, где-то неподалёку. В ином случае они бы остановились на ночной привал. Эта её догадка имела какое-то отношение к появлению в такой опасной близости врагов в лице дикарок с луками, однако Пенни так и не додумала эту мысль. Они уже миновали овраг, оставили позади несколько полян, откуда можно было увидеть чистое небо, сплошь усыпанное радостными огоньками, перешли просеку, оставленную, как поняла Пенни, виггерами, уходившими этим путём на заставы, и снова углубились в чащу.

Бокинфал помалкивал, покачиваясь где-то позади в носилках. Она думала о нём со смешанным чувством. Они совсем недавно познакомились, но уже вместе пережили такое, что другому не выпадет за всю жизнь. Похоже, он действительно любит её, пытаясь защищать и подбадривать. Любит по велению сердца, а не только по тяге, как говорится, «переднего хвоста». Против чего, кстати, она сама ничего не имеет, упиваясь в душе этим новым для себя ощущением. Раньше как-то так получалось, что её хотели «неправильные» мужчины. Те, от которых она стремилась держаться подальше. Кроме, разве что Бриана, соседского парня, который отчаянно пылал к ней своей детской страстью и которого она любила... изводить женскими проказами и добродушными розыгрышами вроде того, когда сделала вид, будто он застал её врасплох в тазу, где она, голая, мылась, получая несказанное удовольствие от постороннего взгляда. С Бокинфалом теперь было всё по-другому, по-взрослому, он не подглядывал за ней, а смотрел обычно прямо и восхищённо, она имела возможность в этом убедиться, однако разобраться в собственных чувствах к нему пока не могла.

Когда, наконец, впереди и чуть правее она заметила за деревьями нечто вроде оранжевого зарева, ей почему-то сделалось страшно. Сейчас она окажется в лагере дикарей, которые с незапамятных зим были врагами её народа и причиной многих поступков, становившихся со временем традициями. Сегодня она знала, что когда-то они были частью вабонов, но по чьей-то недоброй воле превратились в изгоев и теперь всячески оправдывали своё утвердившееся положение. Никто не пытался вернуть их обратно, да они и сами едва ли помнили те времена, когда в Вайла'туне можно было повстречать рыжих соплеменников и пожелать им доброго утра или спокойной ночи. Зарево означало «костры». Костры означали «огонь». Дикари завладели его секретом, воспрянули, говорят, духом, забыли многие страхи и теперь мыслят расквитаться с вабонами за долгое унижение. Какую во всём этом Гури уготовил роль ей и Бокинфалу? Заложников? Вероятно, в лучшем случае. Вряд ли он стал бы возиться с ними, если бы не отличал от тех, с кем, не задумываясь, расправился на задворках поместья Томлина. Но было и другое объяснение: они не заложники, а пленники, которых будут допрашивать и мучить, чтобы получить какие-нибудь важные сведения о том, о чём она не имеет ни малейшего представления. Кто знает наверняка, на что способны дикари? бабушка их всегда очень боялась. Только виду не показывала и на словах иногда даже жалела.

Бокинфала, качавшегося в носилках, донимали похожие мысли. Из головы у него не шла встреча с тем узкоглазым незнакомцем, которого он невольно натравил на Меген'тор, где ему обязательно повстречаются Рэй и остальные ребята. Перед незнакомцем его совесть была совершенно чиста, а вот за собратьев по оружию он теперь сильно переживал. Потому что, несмотря на стрелу в ноге, прекрасно видел, на что этот узкоглазый способен. Причём с одной только палкой. Если бы Ротрам заполучил такого бойца в своё распоряжение, с остальными он мог бы легко расквитаться и попроситься за ненадобностью. В поисках какой-то карты он будет сметать всё на своём пути, пока не отыщет её или не схлопочет стрелу в спину. Если он догадается первым делом спуститься в подземелье, быть может, ребята Рэя вернуться к Ротраму без

потерь. Если же они повстречаются где-нибудь на винтовой лестнице башни... лучше об исходе не думать. Хотя, почему, собственно, они обязательно должны набрасываться друг на друга? Узкоглазый наверняка хитёр и постарается не привлечь к себе лишнего внимания. Тем более что сейчас, когда замок потерял сразу несколько столь важных личностей, там должна твориться полная неразбериха с тем, кто главный, кого нужно слушать и слушаться, кто свой, кто чужой, и куда всё это дружно катится. Если им с Пенни суждено туда вернуться, кто знает, что и кого они там застанут? Мерзкая сова Йедда, будем надеяться, сгинула, прихватив с собой своего губошлёпа Кадмона и его подлую девицу Анору. В замке за главного остался Скелли. И всё? Бокинфал мог, конечно, просто не знать об остальных, но по рассказам Пенни и собственным наблюдениям получалось, что больше никто на право воссесть в тронной зале не претендовал. Есть, правда, военачальник Тиван, есть отец этой самой Аноры Скирлох, есть даже разжалованный при всех сын Демвера Железного Гийс, однако едва ли кто станет им потакать, особенно когда все только и думают, что о себе и собственном спасении. Причём для кого-нибудь оно может быть связано не столько с именами прежних эделей, сколько с новыми, включая самих захватчиков. Если это разноцветное воинство состоит не из дураков, они должны смекнуть, что открытое нападение хоть и принесёт победу и захват замка, гораздо менее выгодно, нежели вторжение тихое и незаметное, под видом, скажем, избавителей от прежних невзгод. Зачем убивать ни в чём не повинных мирных людей, которые могут обозлиться и из испуганных матерей и отцов семейств превратиться в отчаянных сорвиголов? Они падут в неравном бою, но успеют наломать кровавых дров. А если будут действовать заодно, кто знает, быть может, им улыбнётся удача, и для недалёковидных великанов этот штурм окажется последним. По крайней мере, для многих. Будь Бокинфал их командующим, он бы разом ввёл всё войско в Вайла'тун, но при этом настрого запретил пускать в ход оружие. Чтобы жители увидели одновременно мощь и доброту непрощенных гостей. Встать на их сторону не будет считаться предательством. Потому что переход не будет вызван страхом за свою жизнь. А выбор всегда есть у всех. Многие в Вайла'туне по-прежнему вспоминают добрым словом Ракли. И верят в то, что он жив. Кстати, вполне возможно. Тот пленник, что хохотал из-под пола в клетях, когда они пришли туда со Скелли устанавливать порядок, говорят, и есть Ракли. Только тронувшийся головой. Если его достать оттуда и отмыть, ещё неизвестно, чья возьмёт. Ведь говорят же также, что он сошёл с ума задолго до того, как бежал его сын и как его самого свергли бывшие сотоварищи. И ничего, правил. Чтобы всё это узнать, нужно совсем немного – выжить. Дикари явно предназначили их с Пенни для какой-то цели, но только что это за цель?

Ждать развязки оставалось недолго. Бокинфал тоже заметил, что конец путешествия близок. Носилки задвигались быстрее. Он изловчился повернуться на бок и в разрезе шкур впереди увидел то же, что видела Пенни – оранжевое зарево между чёрными деревьями. Дикари вернулись домой.

Более необычного зрелища, чем предстало глазам Бокинфала, когда его уложили на снег и позволили сесть, он не встречал.

Просторная поляна была сплошь в весело потрескивающих кострах. Самый большой, посередине, походил размерами и нравом на жертвенный костёр у Томлина. Он гудел на ветру, щедро разбрасывая искры. Остальные, поменьше, обступали его со всех сторон, как волчья стая – кабана. От костров исходил какой-то особый жар, будто в них горели не простые дрова, а те, о качествах которых ведали только местные жители. Так ли это на самом деле, сказать было трудно. Бокинфал впервые подумал, что попал не просто к дикарям, а к настоящим хозяевам Пограничья, которые, в отличие от любого охотника или дровосека из Вайла'туна, знают тут всё и вся.

Как ни странно, вокруг костров никто не сидел. Огонь горел сам по себе.

Люди появились не сразу. Бокинфал увидел их приближающиеся тени по краям поляны. Воины с луками и копьями. Никаких женщин или детей. Они обступили Гури и о чём-то

коротко с ним перемолвились. Потом подхватили главные носилки с одеждой и оружием, приняли у измождённых собратьев концы волокуш с телами родичей и потащили всё это куда-то обратно за костры. Только тогда раздались первые голоса, некоторые из них – женские. Голоса начали переговариваться. Кто-то вскрикнул. Кто-то зарыдал. Негромко. Крик больше не повторился. Плач затих.

Подошёл Гури с помощником. Помощник присел на корточки возле ног Бокинфала и принялся пальцами и ножом развязывать замёрзшие путы. Никто не счёл нужным что-либо говорить. Бокинфал поискал глазами Пенни. Она оказалась стоящей поодаль, словно позабытая всеми и опирающаяся на сломанный лук. Одетая в некрасиво сшитые шкуры, висевшие на ней мешком. Не то, что та соблазнительная одежда, которую кто-то сорвал с неё для жертвоприношения. Сердце Бокинфала кольнула ревность. Одна надежда на то, что те, кто это с ней сделал, теперь лежат мёртвыми среди обгоревших балок поместья. И пусть так будет с каждым, кто захочет причинить ей зло!

– Теперь ты можешь идти, – сказал Гури.

Только встав на ноги, Бокинфал осознал, насколько замёрз от долгого лежания. Костры соблазнительно манили теплом, но помощник Гури ухватил его за локоть при первой же попытке двинуться им навстречу.

– За мной.

Невесть откуда возникшие воины взяли Бокинфала в кольцо и повели. У него оставались связанными руки, он мог бы изловчиться и обезоружить шедшего впереди с опрометчиво торчащим из-за пояса кинжалом, но рисковать не стал. Пенни за ним не поспеет. Значит, надо ждать, когда она окончательно восстановит силы, и лишь тогда использовать первый же подходящий случай. А ещё бы хорошо определить, в каком направлении находится Вайла'тун. О просеке, которую незадолго перед этим видела Пенни, он, разумеется, не догадывался.

Провожатые обошли костры справа, и только тогда стало понятно расположение их лагеря.

Дикарей не было на земле потому, что они все рассредоточились по деревьям, обступившим поляну. Кто сидел, кто стоял на толстых ветвях, наслаждаясь согревающим светом огня, старики и старухи возлежали на растянутых шкурах, дети запросто сновали по веткам или жались к матерям. Некоторые только сейчас, узнав о возвращении отряда, выходили из странного вида кожаных гнёзд-шатров и недоверчиво взирали сверху вниз на новоприбывших.

Гнёзда их напоминали плетёные ульи диких лесных пчёл, которые иногда приносили из Пограничья охотники и продавали на рыночной площади как удивительно прочные и красивые поделки. Какие-то гнёзда были подвешены на ветках всё равно что огромные мешки, другие – растянуты как крылья летучих мышей между сучьями, третьи возвышались почти настоящими полукруглыми шатрами на развилках особо толстых ветвей. Конструкции эти не отличались изяществом, но выглядели добротно сшитыми и прочными. Во всяком случае, снег на них не задерживался, а будь то подвешенное, натянутое или стоячее положение, оно нисколько не мешало этим странным людям выходить наружу и так же проворно скрываться внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.